

ГЕНРИХ БОРОВИК

**ПЫЛАЮЩИЙ
ОСТРОВ**

ГЕНРИХ БОРОВИК

ПЫЛАЮЩИЙ ОСТРОВ

честь • отвага • мужество

Издательство ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1964

ОТ АВТОРА

То, что вы прочтете в этой книжке, далеко не полная картина кубинской революции. Мне хочется рассказать молодому читателю лишь о некоторых эпизодах революционной борьбы кубинского народа, о которых я узнал во время своих поездок на Кубу.

Мне выпало в жизни большое счастье — дважды побывать на этом маленьком острове, ставшем в последнее время таким большим и значительным. Я слушал и тщательно записывал рассказы участников революционной борьбы, читал дневники, на которых иногда были видны ржавые следы крови, рассматривал желевшие фотоснимки, сделанные неумелой рукой во время боя.

На Кубе свято хранят реликвии революции. Но собирать реликвии очень трудно. Ведь во время революционных боев о них мало думали, а в подполье их уничтожали, чтобы не оставлять следов полиции.

Но все же реликвии есть. А главное — есть люди, веселые, мужественные, серьезные, увлекающиеся, темпераментные кубинцы, участвовавшие в революции. Настоящая революция всегда молода. Поэтому молоды мои друзья, которые помогли мне написать то, что вы сейчас собираетесь прочесть.

Первые выстрелы

Хиральдо вернулся домой поздно. В голове немного шумело от трех рюмок бакарди. Перед глазами мелькали разноцветные маски, воздушные шарики, стройные женские ножки, яркие костюмы танцовщиц, он еще слышал смех, пение, ритмичное пришепетывание маракас*. Хиральдо постоял немного перед зеркалом над умывальником, внимательно рассматривая свою круглую улыбающуюся физиономию. Нахмурил брови. Но серьезного вида не получилось. Он крикнул и подставил голову под кран с водой.

* Кубинский народный музыкальный инструмент.

Заворочалась на постели мать.

Хиральдо быстро закрыл кран и, сняв штиблеты, босиком вышел на улицу.

Спать не хотелось. Он присел на не остывшую за ночь каменную ступеньку, уперся локтями в колени и, улыбаясь, смотрел вдоль улицы, туда, вверх, откуда, затихая, все еще доносились звуки карнавала — красочного, сумасшедшего и изящного карнавала, который ежегодно устраивался в двадцатых числах июля в Сантьяго-де-Куба.

По другой стороне улицы медленно прошел полицейский, внимательно проверяя замки на магазинах.

— Кого сегодня отправлять будешь? — спросил полицейский, кивнув Хиральдо.

— Воскресенье же... — зевнул тот.

— Господь бог на это не смотрит, — нравоучительно сказал полицейский.

Хиральдо хоть и работал в магазине похоронных принадлежностей, но разговоров о смерти не любил. Поэтому он ничего не ответил мрачному стражу порядка, и тот пошел дальше, что-то недовольно бурча себе под нос.

Сверху, с площади Парке Централь, ручейками стекали в нижнюю часть города остатки карнавала. Торопливо прошел торговец шляпами. Разноцветные, причудливых фасонов, они висели на большой деревянной раме, которую хозяин нес на плече. Видно, торговля шла не очень хорошо — на раме не было ни одного пустого места.

Протарахтел своей тачкой продавец соков. Хиральдо хотел остановить его и выпить из бумаж-

ного стаканчика апельсинового джуса, но продавец даже не откликнулся на его окрик.

«Черт их знает, людей... Карнавал, а они злые, угрюмые...» — подумал Хиральдо.

Он проводил глазами высокую, статную негритянку, которая шла босиком по противоположному тротуару, держа в руках легкие красные туфельки; мальчишку-чистильщика с деревянным ящичком в руках; старого тапера, который жил в соседнем доме и имел целый выводок всегда оборванных, голодных и отчаянных ребятишек. На них с утра до вечера кричала их мать — женщина болезненная, со слезящимися глазами и впалой грудью. Хиральдо был еще мальчишкой, когда она поселилась в доме тапера молодой, пышной красавицей. С тех пор минуло всего десять лет, и Альма превратилась в сварливую худую старуху с дряблой, серой кожей на лице.

Прошло еще несколько человек — знакомых и незнакомых. Потом улица совсем опустела.

Карнавал, длившийся три дня и три ночи, кончился.

Завтра, вернее — сегодня, невыспавшиеся горожане сходят в церковь, и снова начнется обычная жизнь. И он, Хиральдо, снова сядет за руль «джи-па» и поедет развозить похоронные принадлежности по адресам, которые ему назовет хозяин невеселого предприятия.

Хиральдо встал со ступеньки, отряхнул брюки и, потянувшись, направился к двери. В это время раздался отчетливый ритмичный звук — стреляли из пулемета или автомата. Хиральдо прислушался. Звук повторился. Снова две короткие очереди,

пауза, потом одиночные выстрелы. Они слышны были со стороны форта Монкада, в верхней части города, где стоял военный гарнизон Сантьяго-де-Куба.

«Нечего им делать, — со злостью подумал Хиральдо. — В такую ночь устраивать учения... — он снова взялся за ручку двери. Мимо крыльца, тяжело стуча коваными башмаками по асфальту, пробежал мрачный полицейский. — Нет, не учения, — подумал Хиральдо, снова прислушиваясь к беспорядочной стрельбе. — Что же это может быть?»

Куриная ферма Абеля Сантамария

В середине марта 1953 года в маленьком местечке Сибоней — километрах в трех от Сантьяго — появился молодой, по всем признакам преуспевающий бизнесмен. В местном полицейском участке, куда бизнесмен зашел самым вежливым образом засвидетельствовать свое почтение, он назвался Абелем Сантамария.

— Я понимаю, что мое появление в этом маленьком, но прекрасном городке вызовет ваш естественный интерес, сеньор начальник, — улыбаясь, говорил он одному из местных полицейских чинов. — А я не привык доставлять людям хлопоты. Ходить в жару за мной, выяснять, кто я, — зачем это все? Поэтому я здесь. Зовут меня Абель Сантамария. Бывший студент. Занимаюсь маленьким бизнесом. Хочу открыть птицеферму. Буду всегда рад видеть вас у себя, сеньор.

Чину явно понравилась предупредительность молодого бизнесмена. Кроме того, полицейское начальство обожало жареных цыплят с рисом и бобами. Вот почему Абель не встретил в маленьком, уютном городке каких-либо препятствий на пути к безобидному куриному бизнесу. Он купил небольшой земельный участок, поросший высокой сочной травой, и обнес его деревянным забором. Забор был высокий, доски стояли одна к другой плотно, и при всем старании трудно было рассмотреть, что делается в загоне. Да никого это особенно и не интересовало.

Абель Сантамария часто ездил на своей машине в Сантьяго, часто к нему приезжали друзья. В этом тоже не было ничего предосудительного и ничего подозрительного с точки зрения полицейского надзора. Абель рассказывал всем и всякому, что хочет поставить птицеферму на широкую ногу, с учетом всех последних достижений науки и поэтому ему придется нанять несколько специалистов, не говоря уж о рабочих и обслуживающем персонале...

Поэтому никто из полицейских чиновников в Сибонее не встревожился, когда в двадцатых числах июля на птицеферму начали съезжаться люди. Они приходили и приезжали поодиночке или группами в два-три человека. Одних Абель отправлялся встречать в Сантьяго, другие приезжали сами. Но никто из сибонейцев не подозревал, что у Абеля Сантамария за несколько дней собралось почти полтораста человек.

22 июля из Гаваны приехала небольшого роста, хрупкая, светловолосая девушка — сестра Абеля. Брат встретил ее на вокзале в Сантьяго.

Спутники по купе, сгибаясь под тяжестью нош, помогли ей вынести два вместительных чемодана. Айдее была студенткой и объяснила новым знакомым, что везет в чемоданах книги, чтобы летом не терять времени даром и заниматься у брата на ферме.

Этот вечер обитатели куриного загона провели... за чисткой и сборкой оружия, привезенного Айдее в ее объемистых чемоданах.

Абель был одним из руководителей группы. Но только «одним из». Люди ждали «главного». Он приехал 25 июля вечерним поездом. Это был высокий человек, почти двухметрового роста, плотный, с покатыми могучими плечами, с лицом, на кото-

ром линия высокого чистого лба, почти не изменяясь, без переносицы переходила в линию прямого носа, прямые брови, широко расставленные темно-карие глаза. Он вылез из машины вслед за Абелем и большими шагами прошел в домик за оградой. Его сразу обступили. Это был двадцатилетний адвокат из Гаваны Фидель Кастро Рус.

Абель рассказал Фиделю о последних приготовлениях. Все пока что шло по плану, разработанному самым подробным образом.

— Еще не на всех форма? — спросил Фидель, оглядывая юношей, окружавших его.

— Еще нет... Ночью кончим гладить... — ответил Абель. — Нельзя на такое дело идти в невыглаженной форме.

Вопрос о форме был решен давно. Хотя приобретение ее было делом тяжелым и дорогим, решили все-таки обязательно идти в первый бой в одинаковой одежде армейского образца. В дальнейшем, после победы, форма должна была оказать большое психологическое воздействие. На победителей не смотрели бы как на группу налетчиков.

План нападения на крепость Монкада разработали Фидель Кастро и Абель Сантамария с друзьями. Никто из них не имел военного образования. Да и вряд ли профессиональные военные взялись бы всерьез за разработку плана нападения 165 человек на военные казармы, обнесенные высокой каменной стеной, за которой находилось несколько тысяч солдат и офицеров регулярной армии кубинского диктатора Батисты. Тем более что на весь

отряд Фиделя было лишь три винтовки американского армейского образца, десяток «винчестеров», несколько десятков разнокалиберных пистолетов и один пулемет, настолько изношенный, что его приходилось ремонтировать после каждой очереди.

Но, может, именно потому, что ни у кого из авторов плана не было военного опыта, план был дерзок и необычен. В основе его лежала внезапность нападения. Дисциплина в батистовских казармах была далеко не блестящая, моральный дух солдат низок, а бурный и шумный карнавал в Сантьяго, который заканчивался в эту ночь, должен был помочь нападающим.

Собственно, патриоты не собирались давать серьезного боя солдатам. Весь расчет строился на том, что солдаты и офицеры, застигнутые врасплох, не окажут сопротивления и сдадутся, прежде чем поймут, какие крохотные силы решились атаковать один из оплотов батистовской диктатуры.

Возле казарм находились здания гражданского госпиталя и Дворца правосудия. Госпиталь предстояло взять отряду в 21 человек под командованием Абея Сантамария. В этом отряде были и Ай-дее Сантамария и доктор Марио Муньос. Они обеспечивали уход за ранеными.

Другой маленький отряд, в десять человек, под командованием младшего брата Фиделя Кастро — Рауля готовился захватить Дворец правосудия и поддерживать оттуда огнем атаку на крепость.

Перед отрядом в девяносто пять человек, которым командовал Фидель, стояла задача прорваться сквозь ворота крепости, захватить бараки с солдатами и арсенал.

Подробная карта форта — его бараков, выкрашенных в ядовито-желтый цвет, огневых точек, укреплений, постов — была составлена давно благодаря находчивости одного из бойцов, студента гаванской инженерной школы. Несколько раз он ходил к командиру крепости под предлогом переговоров о возможности сбывать сюда всю годовую цыплячью продукцию с фермы Абея Сантамария.

Кто-то предлагал план: вначале послать маленькие группы людей в дома, где были расквартированы офицеры, чтобы захватить их. Но Фидель отверг это предложение — он не хотел кровопролития в домах, где жили женщины и дети, да и опасно было с самого начала распылять силы.

Выдвигался еще один план: прежде всего захватить радиостанцию, обратиться к народу за поддержкой, а уж затем атаковать крепость.

Но и это предложение было отвергнуто: объявить по радио о начале вооруженной борьбы значило лишиться главного козыря — внезапности.

Нет, действовать решено иначе: атаковать казармы, взять там оружие и раздать его народу. А потом захватить радиостанцию.

Революционеры заранее заготовили и взяли с собой магнитофонную пленку с записью маршей и стихов известных кубинских поэтов. Они понимали, что атака на казармы Монкада, к которой они с такой тщательностью готовились больше чем полгода, будет лишь маленьким начальным эпизодом в борьбе против ненавистного режима диктатора Батисты. После взятия Монкада эту борьбу поведет уже не отряд храбрецов, а весь кубинский народ.

Люди, собравшиеся в курином загоне городка Сибоней, трезво оценивали все «за» и «против». Они понимали: шансов на победу не так уж много. Но все-таки эти шансы есть. И поэтому надо выступать, ибо даже поражение принесет свои плоды революции — самый факт атаки на крепость всколыхнет народ, волеет в него уверенность в возможность борьбы...

Фидель последний раз внимательно приглядывался к бойцам, с которыми через несколько часов он пойдет в бой, неравный бой. Это была молодежь, большей частью студенты или бывшие студенты, связанные друг с другом дружбой, едиными взглядами на жизнь, едиными мечтами о будущем Кубы. Кто из них станет свидетелем этого будущего? Кто доживет до осуществления мечты, которая ведет их, почти безоружных, в бой против великолепно оснащенных новейшим американским оружием, обученных американскими военными инструкторами солдат и офицеров армии кубинского диктатора и лакея американских миллионеров Батисты?

Он знал здесь каждого.

Вон та девушка, миниатюрная, худенькая, что старательно и быстро разглаживает форменные рубашки и брюки солдатам — Айдее Сантамария, сестра Абеля. Брат и сестра — из состоятельной семьи, живущей в Санта Кларе. Но последние восемь месяцев, что заняла подготовка к атаке, они лишили себя всего, жили впроголодь, обносились. Среди студентов Гаванского университета даже пополз слух, что Абель играет в казино и проигрывает деньги, которые присылают родители ему

и сестре. Абель и Айдее не опровергали слухов, ведь это помогало скрывать истинную причину безденежья — брат и сестра отдавали все средства повстанцам.

Фидель долго не соглашался включать Айдее в число атакующих Монкада. Но она так просила, так убедительно доказывала, что принесет пользу в госпитале... Ему пришлось согласиться. Он не мог отказать еще и потому, что здесь был не только ее брат, но и ее жених — Абор... Она не хотела, не могла оставить их в опасности, она должна быть рядом с ними.

Тот юноша, который, наверное, уж в десятый раз чистит свой старенький пистолет, — Эскильо Перейра. Фидель не знал его по университету. Однажды Эскильо явился к ним, молча выложил на стол триста песо и отошел. «Для чего эти деньги?» — спросил Фидель. «Для нашего дела», — ответил Эскильо. Потом друзья узнали, что Эскильо продал свою должность безработному, чтобы на вырученные деньги можно было купить оружие...

Сколько здесь таких! Вон Фернандо Маркес. Он продал всю аппаратуру своей фотостудии. А ведь он зарабатывал ею на жизнь.

Педро Гонсалес, как выяснилось, все эти месяцы отдавал на подготовку восстания почти все свое скромное жалованье. Трудно даже представить, на что он жил.

...Одни, наиболее спокойные или усталые, спали, другие чистили оружие, третьи вполголоса переговаривались.

Фидель посмотрел на часы. Четыре тридцать. Наступало утро 26 июля 1953 года. Выступление

отряда из Сибонея было назначено на пять, чтобы в пять тридцать начать атаку на крепость... Пора поднимать людей. Фидель еще раз оглядел всех и негромко сказал:

— Ну что ж, время... Можно начинать...

Монкада

Первая машина прошла сквозь ворота благополучно. Часовые кинулись к ней, но шофер высунулся из кабины и громко, уверенно произнес ничего не значащую фразу:

— Почетная охрана генерала.

Что за генерал, что за почетная охрана — не знали ни те, кто был в машине, ни часовые. Но на этом и строился расчет. Солдаты неуверенно взяли под козырек, мотор взревел, и машина въехала на территорию казармы.

План был прост: машины прорываются сквозь ворота. Восемь машин становятся позади линии восьми барачков, и повстанцы врываются в здания, стреляя в воздух и производя как можно больше шума. Если это будет сделано достаточно неожиданно, то уставшие после пьяного карнавала, только что уснувшие солдаты скорее всего растеряются и тогда их огневой отпор будет минимальным. Главное — ошеломить солдат неожиданностью и не дать зажечь свет, чтобы они не разглядели численность и вооружение нападавших.

Бойцы на остальных машинах должны заняться офицерскими квартирами, территорией и арсеналом — главной целью всей операции!

Таков был план.

Но ворота благополучно миновала только первая машина.

Фидель Кастро сидел во второй машине — самое опасное место, потому что первая могла пройти ворота без выстрела, но по второй часовые, вероятнее всего, открыли бы огонь.

Как только к воротам подошел второй «джип», встревоженный часовой побежал к пульту сигнализации и нажал красную кнопку с надписью «Тревога». Во всех углах огромного форта пронзительно зазвенели звонки.

Из машины выскочили два человека, настигли часового, и один из них сильным ударом в лицо опрокинул солдата наземь. Но минута, которая потребовалась на это, задержала машины и позволила трем автоматчикам выбежать из сторожевой будки и открыть огонь.

Эти-то выстрелы и слышал Хиральдо, сидевший на теплых каменных ступеньках своего дома.

Повстанцы начали выскакивать из машин. А к воротам отовсюду бежали солдаты гарнизона, стреляя на ходу из автоматов.

Нападавшие могли противопоставить лавине огня лишь стрельбу из винтовок и пистолетов. В темноте эта стрельба не давала никаких результатов. Пулемет был в первые же минуты боя выведен из строя гранатой.

Видимо, весь отряд Фиделя погиб бы на месте, если бы солдаты, не разобравшись, в чем дело, не открыли огонь прежде всего по машинам, застрявшим в воротах и уже оставленным повстанцами. И будь в этот момент у людей Фиделя хотя бы десятая часть огневой силы противника, кто знает, как повернулся бы бой.

Первая машина, прорвавшаяся на территорию форта, великолепно справилась со своей задачей. Ее три пассажира с криками, шумом и стрельбой ворвались в один из барачных корпусов, разбили плафон на потолке и заставили сдаться пятьдесят растерянных, обалделых от шума и страха солдат.

Но барачных корпусов было восемь. А остальные машины застряли у въезда в форт...

Допрос

Фидель приказал отходить...

Это распоряжение удалось передать всем группам бойцов, кроме группы Абея Сантамария, занявшей госпиталь. Взять госпиталь оказалось довольно легко — там было всего шесть или семь больных батистовских офицеров и несколько медсестер. Бойцы Абея вели из окон огонь по солдатам, бегущим из барачных корпусов к воротам, где стояли машины Фиделя, до тех пор, пока не кончились

патроны. Когда Абель и его друзья поняли, что сражение проиграно, было уже поздно уходить — госпиталь был окружен солдатами Батисты.

— Сдаваться нам нельзя, — сказал Абель. — Это смерть. Я предоставляю право каждому искать средство спасения...

Айдее предложила бойцам лечь на койки, накрыться простынями, изображая больных, и ждать удобного момента.

Абель с сомнением покачал головой. Такая маскировка слишком наивна. Но остальные поддержали мысль Айдее — ведь это был единственный путь к спасению. Айдее поддержали и медсестры госпиталя. Делом одной минуты было сбросить с себя военное обмундирование и лечь на койки в разных палатах.

В следующую же минуту в госпиталь ворвались солдаты. Они обшарили все здание снизу доверху и, обескураженные, уже собирались уходить, как вдруг один из больных закричал:

— Они здесь! Они на койках!..

...Их вывели на улицу. Впереди вели доктора Марио Муньоса — единственного человека, кроме Айдее, в гражданской одежде. Айдее шла рядом с Абелем.

Их провели во двор крепости через ворота, где только что шел бой. Тут стояли искореженные машины, лежали трупы батистовских солдат и бойцов в новенькой, аккуратно отглаженной форме отряда Фиделя. Айдее напряженно всматривалась в лица трупов, боясь увидеть среди них Фиделя или Абора — своего жениха...

— Стойте! — произнес вдруг сержант, который

вел их. — Отойди к стене! — приказал он доктору Муньосу.

Тот повиновался, еще не понимая, что хотят от него, и направился к стене. Он сделал всего несколько шагов, как снова раздалась команда сержанта:

— Стреляйте в бандита! — заорал он и первый дал автоматную очередь.

Тело Муньоса будто переломилось надвое. Он упал лицом вниз. Солдаты били из автоматов по упавшему.

Абель рванулся к Муньосу. Но Айдее повисла у него на руке...

...Их ввели в один из барачков. Айдее поместили в маленькой темной комнате с земляным полом и с забранным частой решеткой окном. Брата и остальных разместили в том же бараке.

Первый допрос был короткий. Имя? Фамилия? Кто руководитель восстания? Где он? Где взяли оружие? Боеприпасы? Обмундирование?

Айдее стояла перед сержантом молча, не отвечая ни на один вопрос.

Сержант ушел, не выразив ни раздражения, ни досады. Дверь захлопнулась.

Через несколько минут она услышала первые глухие удары и первые крики. Она не сразу поняла, что били ее друзей. Когда поняла — закричала. И сразу оборвала крик — ведь Абель и другие могут подумать, что и ее пытаются, — это доставит им страданий больше, чем физическая боль.

Она молча сжимала пальцы рук, и пальцы стали белыми, потом синими.

Прошло некоторое время, и снова появился сержант. С бесстрастным видом он повторил те же вопросы: имя, фамилия, кто руководитель, где он, откуда оружие, где сообщники?

Айдее молчала.

Сержант закурил сигару, выпустил струю дыма ей в лицо и, не говоря ни слова, приложил дымящийся конец сигары к ее плечу.

Айдее вскрикнула. Тут же двое солдат схватили ее за руки.

— Извините, — произнес сержант. — Неосторожность... Итак, мы остановились на вопросе о том, кто же руководитель этого налета?

...Айдее смутно помнит, сколько раз ее допрашивали в тот день. Допрашивали разные люди — солдаты, сержанты, офицеры. Ее не били. Только несколько раз прижигали тело сигарами... Она молчала... А за стеной слышались удары и крики, удары и крики. Она все старалась узнать эти голоса... Фидель? Рауль? Абор? Один раз ей показалось, что кричит Абель. Ее Абель!

Во второй половине дня ее вытащили из камеры и привели в другой барак. В большой комнате за столом сидел офицер. Айдее не помнит, кто он был по званию.

— Вас зовут?.. — задал он вопрос и после короткой паузы сам ответил: — Айдее Сантамария. Кто руководитель восстания? — и, помолчав, снова ответил сам: — Фидель Кастро Рус...

«Они узнали! — пронеслось в голове. — Как? Откуда? Он взят в плен? Убит?»

Офицер наслаждался произведенным впечатлением.

— Да, мы многое знаем, сеньорита. По существу, мы знаем все. Известно, например, что среди пленных бандитов находится ваш брат Абель — один из руководителей восстания... И ваш жених Абор... Так?..

— Они еще живы, — продолжал офицер. — И останутся живы. Даже, может быть, получат свободу... Если вы, сеньорита, поможете выяснить небольшой вопрос: где Фидель Кастро?

«Значит, его не нашли! Значит, он не убит!» — подумала Айдее, и эта мысль придавала ей бодрости.

— Я жду ответа, — сказал, помолчав, офицер. — Имейте в виду, ваш брат и жених в соседней комнате.

«Здесь! Они здесь! Мои родные! Живы! Абель! Абор!»

Ей захотелось крикнуть им что-нибудь, помочь, сказать, что она молчала и будет молчать...

— Я даю вам минуту на размышление, сеньорита, — произнес офицер и взглянул на часы. — Через минуту ваш брат лишится зрения...

«Не может быть! Он не способен на это! Он же человек!» — мысли неслись с лихорадочной быстротой.

Через минуту офицер встал и надел белые лайковые перчатки.

— Прекрасно, — сказал он. — Я предупреждал вас.

Он вышел в соседнюю комнату, плотно затворив за собой дверь,

Она услышала стон. Слабый и страшный стон человека. Это был голос Абея... Его голос...

Отворилась дверь. Вошел офицер. На вытянутой ладони он держал что-то маленькое и окровавленное...

— Это его левый глаз, — сказал офицер. — Еще минута, и я принесу вам второй.

Он бросил глаз в плевательницу, снял окровавленную перчатку и бросил ее туда же.

— Где Фидель Кастро? Я спрашиваю вас снова. Вы наверняка знаете место, где назначен сбор в случае поражения... Осталось полминуты... Ваш брат еще видит... Не лишайте его второго глаза...

Айдее упала. Ее облили водой и заставили подняться.

Офицер ушел и снова вернулся.

— Ваш брат слеп... Но он еще жив. И может быть свободным. Мы разрешим вам уехать за границу... Мы выпустим вашего жениха...

Айдее слышала этот голос издалека. Он не имел к ней отношения. Он только мешал ей разговаривать с братом, с ее Абелем. Абель держал в руках ее голову, как в те времена, когда она была совсем девочкой и бегала к нему искать защиты от всех маленьких бед и несчастий. Он ничего не сказал. И она не скажет...

....— Ну что ж, остался ваш жених.

«Абор... мой любимый Абор! Но ведь и ты молчишь. Значит, и ты ничего не ответил на их вопросы... И я должна молчать. Еще не потеряна надежда... Ведь не могло же вот так просто кончиться все, к чему мы готовились... Нет, наверное, Фидель уже собирает новые силы... Он придет нам на помощь...»

— Я думаю, он так и останется вашим женихом, — продолжал далекий голос, — и никогда не сможет стать чьим-либо мужем, потому что он перестанет быть мужчиной...

Айдее услышала крик. Страшный, пронзительный, оглушающий...

У нее запылало перед глазами пламя. Бешеное, жаркое пламя. Оно поглотило комнату, стол, офицера и этот страшный крик...

Когда офицер вернулся, Айдее снова лежала без памяти. Солдаты лили на нее воду из ведер.

— А ну ее к черту, — сказал офицер, тяжело дыша. — Бесполезно...

...Контора, в которой работал Хиральдо, регулярно поставляла гробы и прочие похоронные принадлежности не только жителям города, но и гарнизону в Сантьяго. В казармах Монкада люди раньше умирали нечасто, но все же умирали — от

болезней, от несчастных случаев во время учений, умирали и по неизвестным причинам. После того как 10 марта 1952 года к власти пришел диктатор Батиста, командование форта Монкада стало заказывать больше гробов, чем раньше. Кого хоронили в них, Хиральдо не знал. В городе же поговаривали, что за стеной форта часто слышатся крики.

Во всяком случае, Хиральдо нередко навещался сюда, привозя в черном потрепанном хозяйском «джипе» гробы.

Поэтому, когда днем, развозя очередной заказ, он подъехал к воротам форта, охрана пропустила его, как старого знакомого.

— Ну, вашей конторе повезло сегодня, — мрачно пошутил один из солдат.

Профессия давно уже приучила Хиральдо спокойно относиться к смерти людей. Но то, что увидел он сегодня, поразило даже его.

На желтом песке, которым аккуратно были посыпаны дорожки и плац внутри крепости, лежали трупы. Их было несколько десятков — может быть, три или четыре. Это были убитые, не умершие, потому что почти у каждого форменная, защитного цвета одежда была испачкана кровью. Только один из них был в гражданской одежде. Голубые брюки, белый халат, изодранный в клочья, были залиты кровью...

Почти все трупы лежали лицом вниз. Охраны не было. Хиральдо, улучив момент, повернул одно из тел лицом вверх. И отшатнулся. Он увидел кровавое месиво. Это не был след пули или гранаты. Лицо было раскромсано прикладом ружья или рукояткой пистолета. Зубы вырваны, глаза — тоже.

Значит, этот человек не был убит во время боя. Это пленный, которого пытали, а потом прикончили...

Только у нескольких мертвецов Хиральдо заметил на одежде или на теле следы пуль.

Веселый толстый Хиральдо, балагур и насмешник, давно научившийся с юмором относиться к самому страшному таинству на земле — смерти, растерялся вконец. Он не мог больше оставаться здесь, но не мог и уйти. Ноги его ослабли, а в груди вдруг стало пусто и жарко.

— Что ты здесь делаешь?! — раздался голос. — Вон отсюда! — Это кричал офицер, увидевший Хиральдо. — Кто смел пропустить его? Воронье проклятое! Слетаются! Можешь не надеяться. Для этих, — он кивнул в сторону трупов, — гробов не требуется. А ну, быстро!

Через минуту Хиральдо уже сидел в своем «джипе». Но улицы, по которым он ездил тысячи раз, вдруг стали слишком узки, а верный «джип» совсем не слушался. Хиральдо вышел из машины и побрел пешком, натываясь на прохожих.

Он подошел к стеклянной витрине кинотеатра. На него глянуло его отражение — серое, осунувшееся лицо.

— Эх, гробовщик, гробовщик, наклюкался спозаранку, — осуждающе заметил кто-то.

Ночь над Сантьяго

Сантьяго ложится спать рано, гораздо раньше, чем Гавана. Впрочем, Гавана вовсе не спит. Нет такого часа в сутках, когда на ее улицах не уви-

дишь людей или не сможешь зайти в кафе выпить рюмку бакарди и закусить жареной свиной с рисом.

Часа в два ночи улицы Сантьяго уже пусты, и все кафе, за исключением портовых кабачков и бар-клубов в нижней части города, закрыты.

Ночь с 29 на 30 ноября 1956 года ничем не отличалась от других. Уже после двенадцати люди разбрелись по домам, покинули Парке Сентраль мальчишки-чистильщики, унося измазанные гуталином деревянные ящики, закрылся под старинным католическим собором на центральной площади сверкающий стеклом магазинчик «Кодак», опустели кресла на веранде отеля «Каса Гранда». И только около «Мужского клуба» сидели на тротуаре в плетеных креслах одетые в черные вечерние костюмы старики, страдающие бессонницей, и сплетничали. Месяц висел в небе удобным гамаком.

Но спокойствие ночного города было внешнее. В доме, где жила студентка Вильма Эспин, группа молодых людей окружила маленький диктофон «Грундиг» и прослушивала только что записанные на пленку слова. Голос из диктофона утверждал, что режим Батисты в Сантьяго-де-Куба рухнул и город безраздельно находится в руках революционных повстанцев, возглавляемых здесь Франком Паисом; что в минуты, когда идет эта радиопередача, Фидель Кастро во главе вооруженной колонны, высадившейся сегодня рано утром в Ориенте, уже напал на гарнизон города Никеро. Таким образом, продолжал голос с ленты, два крупных опорных пункта кровавого диктатора Батисты в

провинции Ориенте пали, и она фактически находится под контролем революционных повстанцев. Успешные восстания против режима Батисты произошли также в Гаване, Санта Кларе, Матансасе, Камагуэе и других городах. О дальнейшем ходе событий голос с ленты обещал сообщить позже...

Юноша, одетый в спортивную замшевую куртку, выключил диктофон и осторожно закрыл его.

— Франк, — обратилась к нему Вильма, — а не изменить ли текст насчет восстания в других городах? Ведь это еще неизвестно.

— Нет, Вильма, пусть так, — ответил он и обратился к парню, который осторожно надевал на кассету с пленкой чехол. — Ты передашь текст с пленки часов в одиннадцать утра, — сказал Франк, — когда перестрелка уже стихнет и все будет в наших руках. А теперь иди... И еще: тебе по пути, зайди, пожалуйста, к моей матери, скажи, чтобы не волновалась, я сегодня не приду...

Паис посмотрел на часы.

— Уже четыре. Фидель, наверное, высаживается. Ну, кажется, все... Пора расходиться.

Все встали. Франк улыбнулся.

— Полной удачи! — сказал он. — И чтобы тебе, Вильма, с твоими медсестрами как можно меньше было сегодня работы...

...Вильма быстро шла по пустынным улицам ночного города; до пяти надо было успеть в тот дом, где ждет ее медицинская группа — двадцать девушек-революционерок. В шесть начнется восстание.

Вильма Эспин знала Франка Паиса еще с 1953 года, когда он был руководителем студенче-

ского союза в Сантьяго-де-Куба. У Франка тогда не было никакой четкой программы действия. Но чутьем прирожденного революционера и настоящего патриота он понимал, что предстоит борьба. Когда начнется она и как будет проходить, Франк не знал. Он просто принялся создавать молодежные «группы действия» и запастись кое-какое оружие.

Вильма по просьбе Франка организовала тогда несколько вечерних школ для неграмотных.

Но борьба началась раньше, чем они предполагали. Нападение на военные казармы Монкада произвело на Франка Паиса и его друзей огромное впечатление. Значит, помимо их группы есть еще революционные отряды решительных борцов за свободу.

Франк старался познакомиться с Фиделем. Но связаться с руководителем атаки на Монкада ему удалось лишь после суда над повстанцами, когда Фидель уже находился в тюрьме на Пиносе.

В 1954 году во время «свободных, открытых, честных выборов» президента Кубы тысячи и тысячи кубинцев написали на избирательных бюллетенях имя Фиделя Кастро. Но по кубинским законам эти голоса не принимались в расчет.

В ночь перед выборами на стене казармы Монкада в Сантьяго появились полуметровой высоты слова: «Свободу Фиделю Кастро!» Это была работа Франка Паиса. Но такие же слова были написаны в ту ночь и на широкой, изогнутой дугой набережной Гаваны, в Санта-Кларе и Сьенфуэгосе. Здесь Паис был ни при чем. Значит, Фиделя поддерживали по всей стране.

Президентом был снова «избран» Фульхенсио Батиста.

Его главный советник Гонзало Гуэлл подал Батисте мысль — амнистировать политических заключенных, ибо Фидель в тюрьме, как мученик, как символ борьбы, говорил он, опаснее, чем Фидель на свободе, просто как преступник, помилованный президентом. Кроме того, на свободе, убеждал советник президента, его легче уничтожить физически — несчастный случай, бандиты-грабители или что-то в этом роде...

2 мая 1955 года конгресс Кубы принял закон об амнистии, а одиннадцатью днями позже его подписал диктатор. 15 мая, через два года после атаки на Монкада, Фидель Кастро, его младший брат Рауль и другие участники восстания вышли из тюрьмы на острове Пинос.

Когда поезд, в котором находился Фидель, шел в Гавану, на станциях собирались сотни людей. В столице Кубы студенты устроили тысячную приветственную демонстрацию.

Фульхенсио Батиста, наблюдая из президентского дворца за праздничной Гаваной, мучился мыслью: не поспешил ли он послушаться рекомендации своего главного советника?..

Понимая, что на Кубе им оставаться невозможно, Фидель и Рауль Кастро уехали в Мексику...

...В конце 1955 года Вильма Эспин поехала в США, в Массачусетс, продолжать образование. Перед ее отъездом Франк туманно намекнул девушке, что в Мексике готовится «кое-что важное для Кубы».

В Массачусетсе до Вильмы доходили слухи, что

Фидель ведет переговоры с кубинцами, эмигрировавшими в разное время из своей страны и живущими в США и Мексике.

Среди латиноамериканских студентов в Массачусетсе с восторгом передавалась история о том, как в Майами, в здании театра Флеглера, что в нижнем городе, Фидель произнес великолепную речь перед собравшимися в зале кубинцами. Фидель был там вместе с сыном, девятилетним Фиделито. После речи начался сбор денег для покупки оружия. Скоро соломенные шляпы, полные ассигнаций, были положены на стол, за которым сидели Фидель и его сын. Мальчик протянул руку и взял из одной шляпы десятидолларовую бумажку. Фидель покачал головой, положил бумажку обратно и сказал: «Нет, сынок, эти деньги принадлежат кубинскому народу». Притихший зал, следивший за Фиделем, разразился восторженными рукоплесканиями. И снова шляпы пошли по кругу...

В июле 1956 года, перед самым возвращением на Кубу, Вильма получила из Мексики письмо с просьбой остановиться на два дня в столице страны — Мехико.

На аэродроме ее встретили два человека. Один — плотный, высокий. Другой — небольшого роста, щуплый, со спокойным и внимательным, чуть насмешливым взглядом. Братья Кастро — Фидель и Рауль были совершенно не похожи друг на друга.

Вильму повезли в дом на окраине города. Там она оставила свои вещи.

Затем Фидель и Рауль снова посадили Вильму в машину. Они заехали в несколько домов. Там

братья показали ей тщательно спрятанное оружие. Она не ожидала увидеть так много.

— Это произойдет в нынешнем году, — горячо сказал Фидель, — обязательно в нынешнем году.

Он увлеченно рассказывал Вильме о людях, которые собрались здесь, в Мексике, о верных людях, решивших освободить Кубу или умереть. Со дня на день они начнут военную тренировку. А на Кубе их ждут замечательные бойцы, такие, как Франк Паис и его друзья — члены «Движения 26 июля» *.

Вильма не могла не заразиться энтузиазмом Фиделя. Но ее тревожила мысль, не рано ли собирается предпринять Фидель свой поход. Созрели ли условия для начала революции? Действительно ли так сильно и организованно «Движение 26 июля», как об этом сообщали с Кубы Фиделю Кастро?

Но Фидель объяснял ей, что дело не только в организации. Пусть в день высадки восстания вспыхнут не в ста пунктах, как предполагается, а в пятидесяти, даже в десяти. Пусть половина этих выступлений потерпит неудачу. Но это будет та спичка, от которой сразу вспыхнет пламя. Условия для революции созрели. Ненависть народа к Батисте и помещикам-латифундистам давно уже лишилась слез. Она суха, как порох. Достаточно искры, чтобы произошел взрыв. Он сметет режим диктатуры. Отряд в несколько десятков человек, который высадится на Кубе, уже через несколько

* Революционная организация, получившая свое название в честь дня нападения отряда Фиделя на крепость Монкада.

месяцев обрастет сотнями и тысячами крестьян, рабочих, интеллигентов...

Фидель вручил Вильме несколько запечатанных конвертов для передачи разным людям на Кубе, в том числе и Франку Паису...

Ее провожали оба Кастро. В окошко она видела, как братья смотрели на самолет, разговаривали между собой. Фидель стоял, по привычке склонив набок большую голову, будто прислушивался к чему-то. Взревели моторы. Фидель помахал рукой. Рауль взглянул на брата и тоже помахал — чуть сдержаннее...

С тех пор прошло пять месяцев. И вот два дня назад Франк Паис получил известие, что Фидель со своим отрядом вышел на маленькой шхуне из Мексики и сегодня, 30 ноября 1956 года, на рассвете высадится около Никеро.

Кто предатель?

Выход шхуны был назначен на ночь с 24 на 25 ноября. Эту дату руководители повстанцев выбрали не случайно. 24 ноября была суббота. Именно это и устраивало повстанцев больше всего. Дело в том, что многие кубинцы-эмигранты, за которыми по просьбе Батисты следила мексиканская полиция, обязаны были каждый день являться в полицейский участок и регистрироваться. Исключением было лишь воскресенье. Таким образом, если отряд уйдет в субботу, отсутствие кубинцев в воскресенье замечено не будет. И еще один день — понедельник может пройти благополучно, потому

что уже давно, начав подготовку к походу, эмигранты иногда под тем или иным предлогом не являлись в понедельник в полицию. Иногда не ходили все вместе, чтобы «приучить» и к такому варианту. И так, вероятнее всего, их хватят только во вторник. А за два дня шхуна будет уже далеко от берегов Мексики.

Шхуна была куплена одним мексиканским другом Фиделя в рассрочку. Продавалась она довольно своеобразно — вместе с ней надо было обязательно купить и дом хозяина. Но так как и дом тоже продавался в рассрочку, то Фиделя и его друзей не особенно волновали финансовые затруднения. Впрочем, и дом им впоследствии пригодился — повстанцы устроили в нем один из складов оружия.

Мексиканский друг время от времени днем или ночью выходил на «Гранме» — так называлась шхуна — в море «на рыбную ловлю», чтобы портовые власти привыкли к частым выходам шхуны.

Причал, где она обычно стояла, находился в устье реки. Поблизости не было охраны, и именно здесь повстанцы собирались погрузить на шхуну оружие. Но за несколько дней до выхода в восьмидесяти метрах от причала начали строить баржу, и там постоянно торчал на часах солдат.

Это затрудняло положение, тем более что дел еще предстояло немало. Требовалось, например, произвести кое-какой ремонт — барахлил двигатель. Подходящего механика для такого щепетильного дела подыскать было трудно. Его нашли лишь 15 ноября.

Несколько дней механик возился с мотором, и все безрезультатно. Фидель уже решил было идти

в поход с испорченным двигателем, но все-таки накануне выхода повстанцы получили радостное известие — двигатель в порядке.

Последние дни Фидель постоянно находился между Тукспаном, где стояла шхуна, и Мехико. Так легче было поддерживать постоянную связь с городом и портом.

Шла погрузка оружия на шхуну. И вот тут-то случилось то, что поставило весь тщательно подготовленный план под угрозу срыва.

Один из повстанцев, занимавшихся перевозкой оружия с тайных складов на шхуну, прибежал к Фиделю взволнованный.

— Я вернулся в дом, — сказал он, — откуда вывозил оружие, и увидел, что там ничего не осталось. Пропало двадцать пять пистолетов-пулеметов.

Он протянул Фиделю записку, оставленную в доме полицией. Там говорилось: «Владельцу оружия надлежит явиться в полицию и объяснить, зачем ему такое большое количество пистолетов-пулеметов».

Итак, среди них есть предатель! Предполагать, что мексиканская полиция случайно наткнулась на склад с оружием, было невозможно.

Значит, кто-то выстрелил в спину повстанцев. И, может быть, будет стрелять еще.

Знает ли предатель о других складах? Знает ли о дате выхода? Кто он? Может быть, один из немногих, кто предал кубинских патриотов, покинув тренировочный лагерь, дезертировав из отряда... Такие случаи бывали. Редко, но бывали. Фидель и его друзья старались отобрать для пред-

стоящей борьбы верных людей. Но это было очень сложно в тех условиях. Среди них оказались, как потом выяснилось, и слабовольные, и тщеславные, и люди без твердых убеждений.

Нужно срочно принимать какие-то меры. Откладывать поход? Нет. Народу Кубы было дано обещание, что вооруженная борьба против Батисты начнется в 1956 году. Отсрочка подорвет веру в революцию, в победу, продлит дни батистовского режима.

Значит, надо продолжать погрузку оружия, ускорить ее.

Ну, а если предатель не из дезертиров?

Фидель решил на крайнюю меру. Приказом штаба все бойцы будущей повстанческой армии были разделены на двойки, и никто не мог в одиночку ни выходить из дома, ни встречаться с какими бы то ни было людьми, ни разговаривать по телефону. Следить друг за другом — это была тяжкая мера, но необходимая в той ситуации.

Прогулочная шхуна «Гранма» согласно техническому паспорту предназначалась для четырех человек команды, считая капитана, и десяти-двенадцати пассажиров. Штаб повстанцев рассчитал, что «Гранма», груженная оружием, боеприпасами, минимальным количеством продовольствия, питьевой воды и запасом горючего, может взять восемьдесят два человека.

В последние дни очень трудно было отбирать людей на шхуну. Все знали, что восемьдесят два — максимальное число. Но список достойных идти в бой за освобождение Кубы включал по крайней мере сто двадцать человек.

Их разделили на подгруппы, учитывая боевую выучку, дисциплину, качества характера.

Таким образом, отобрали семьдесят восемь человек. Оставалось четыре места. На них в первую очередь претендовали восемь повстанцев — все замечательные люди, прекрасные бойцы, настоящие патриоты. Кому отдать предпочтение?

Путь для решения проблемы был найден несколько неожиданный, но правильный: взять тех, кто легче. Шхуна и так перегружена до отказа.

От Мехико до Тукспана дорога длинная. Но все же повстанцам удалось добраться до шхуны без всяких происшествий.

Двигались попарно: имя предателя все еще оставалось неизвестным.

Кубинцы-эмигранты в свое время завели много друзей среди мексиканцев. Нашелся друг и в полиции. Он сообщил им, что предатель продал свою информацию за 25 тысяч долларов — одновременно мексиканской полиции и секретной полиции Батисты. Эту сумму батистовские агенты должны были выплачивать ему постепенно, по мере того как предатель будет показывать им склады с оружием. Он успел выдать три склада. Полицейские захватили самое ценное оружие — автоматы. Теперь у повстанцев осталось лишь несколько ручных пулеметов, винтовки и пистолеты.

К сожалению, свой человек из полиции не видел предателя и не мог назвать его имени. Вот почему чрезвычайная мера — разделение отряда на двойки — была сохранена до момента выхода шхуны.

К часу ночи все собрались на причале. Стараясь не шуметь, они перебрались по мокрым дос-

кам с причала на палубу шхуны. Не переставая лил дождь. Несколько человек, поскользнувшись, упало в воду.

Механик спустился вниз — заводить мотор. На палубе притихли. У каждого мелькнула тревожная мысль: а вдруг не заведется?

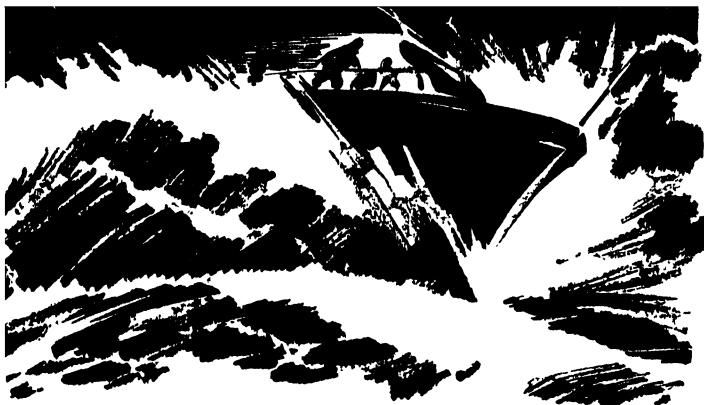
Но вот за кормой глухо заурчала вода, и все почувствовали, как мелко дрожит шхуна. Завелся! Суденышко незаметно отвалило от причала...

Восемьдесят два — в океане

Мексиканский пограничник, стоявший на часах в порту Тукспан в ночь с 24 на 25 ноября 1956 года, имел предосудительную привычку ругаться вслух. Поеживаясь от скользких капелек, затекавших за ворот черного клеенчатого плаща, он бормотал проклятья дождю, собственному начальнику, который потягивает сейчас текилью* в баре «Три семерки», клял пограничную службу, тяжелый карабин, сырые башмаки, снова дождь и снова начальника. Может быть, именно это обстоятельство помешало ему услышать, как всего метрах в двухстах от него медленно прошла небольшая моторная шхуна с потушенными огнями. Она взяла курс в открытое море, хотя по причине сильного шторма портовые власти запретили в эту ночь движение всех судов такого класса.

Перед выходом в море шхуну подстерегала еще не одна опасность. И прежде всего предстояло

* Мексиканская водка.

пройти мимо контрольных постов. Пришлось заглушить мотор. Его остановили на минуту или две и снова волновались — заведется ли опять. На всякий случай Фидель начал раздавать людям оружие. Те, кто получил винтовки, встали по бортам, чтобы оказать сопротивление, если их попытаются остановить силой...

...Чуть видные в тумане, проплыли маяки порта. Шхуна вышла в Мексиканский залив, сразу же подставив свои борта могучим ударам теплых волн Гольфстрима.

Фидель посмотрел на часы: стрелки показывали два часа тридцать минут утра. Это было 25 ноября 1956 года. Шхуна взяла курс на Кубу.

Повстанцев охватила радость. Начало было благополучным. Они запели хором «Гимн 26 июля».

Сильный ветер дул над заливом. Шхуну начало

швырять, как игрушечный кораблик. Трудно было определить, какая качка бросает ее из стороны в сторону: бортовая или килевая.

Прежде чем выйти в море, люди на «Гранме» прошли долгое серьезное обучение. Они неплохо стреляли из любого положения, знали, как бесшумно подползти к вражескому пулеметному гнезду, умели кидать гранаты и взрывать мосты, они изучили законы партизанской войны и могли совершать с полной выкладкой многокилометровые переходы в горах. Их молодой командир Фидель Кастро подготовил людей к серьезной борьбе. Но отвратительному бессилию, которое вызывает качка, они не могли противостоять.

Это, правда, была не просто качка. Шхуна, рассчитанная на путешествия только в тихую солнечную погоду, попала в настоящий шторм.

В отряде был врач — высокий плечистый аргентинец Эрнесто Гевара, прозванный своими товарищами «Че» — по-аргентински что-то вроде «эй, симпатяга». Он пытался разыскать запасенные им таблетки драмина. Но обнаружить эти таблетки ночью, после беспорядочной посадки, под дождем, в темноте, когда вещевые мешки сваливались вдоль борта и в рубке, было нелегким делом.

Наконец таблетки нашлись. Но даже обойти всех, чтобы раздать лекарство, было очень трудно. В любую минуту можно сорваться и упасть за борт, а в такой шторм это означало бы немедленную гибель.

Наступило утро. А шторм не утихал. Шхуну бросало из стороны в сторону так же, как ночью. Но все-таки днем все почувствовали себя легче. Мож-

но увидеть друзей, ободряющую улыбку на лице соседа, а улыбка в этот момент дорогого стоила.

Было часов десять-одиннадцать утра, когда пассажиры «Гранмы» вдруг заметили, что их маленький корабль дал течь. Вода прибывала с каждой минутой, поднималась все выше и выше. Машинное отделение было герметически закрытым отсеком, и поэтому моторы не затопило. Но почти все остальное пространство под палубой заполнилось водой. Насос не работал, люди начали выливать воду за борт ведрами, но она все прибывала. Через несколько часов вода достигла уровня палубных люков.

Положение стало критическим.

Никто не ждал удара с этой стороны. Было бы глупо после стольких приготовлений, после стольких мучений погибнуть в открытом море, так и не начав борьбы.

Несколько человек полезли вниз и, ныряя, старались найти место, где образовалась течь. Безрезультатно. Обнаружить щель не удалось. И снова выплескивали воду чем кто мог — ведрами, чашками, кружками, просто ладонями.

Через несколько часов упорной работы все заметили, что вода перестала прибывать.

Наступил вечер. Вода благодаря усилиям людей оставалась на прежнем уровне. Откачка же не прекращалась ни на минуту. Лишь к утру следующего дня уровень воды опустился на один дюйм. Значит, судно протекает уже не так сильно, как раньше. В чем же дело? С каждым часом воды становилось все меньше и меньше. Наконец можно было приостановить откачку. Люди передохнули

час или полтора, и воды за это время не прибавилось. И только тут они поняли, в чем дело. Шхуна погрузилась в воду ниже обычного уровня. Обшив-ка, которая не находилась до этого в воде, рас-сохлась и стала протекать. Но за двое суток доски разбухли и щели закрылись.

«Гранма» продолжала двигаться в сторону Кубы.

Океан стих. И половина людей на судне — у-сталых, голодных, промокших, измученных — по-грузилась в сон. Половина — потому, что на шхуне могли с грехом пополам прилечь только сорок че-ловек. Остальные должны были стоять.

Солнце поднималось все выше, небо постепен-но выцветало, как огромный кусок мокрой голубой ткани, вывешенной для просушки. Сорок спали вповалку, и с борта безжизненно свисали ноги и руки. Сорок чистили и смазывали оружие, покрыв-шееся после шторма пятнами ржавчины и белым налетом соли.

Как только на горизонте показывалась подозри-тельная точка, подавалась команда «Очистить па-лубу!», и восемьдесят два человека «очищали» ее, чудом втискиваясь в рулевую будку и каюту.

На третий день они увидели вдали корабль. Он шел навстречу. Как видно, это было мексиканское сторожевое судно. Люди приготовились к бою. Не-трудно сказать, чем бы кончился бой людей, воору-женных винтовками, против корабельных орудий. Но в плен они бы не сдались.

Между кораблями оставалось расстояние не бо-лее трех километров. И вдруг мексиканский ко-рабль круто свернул и взял курс на север.

Пока все шло благополучно. Никто, кажется, не заметил «Гранму». Даже через Юкатанский пролив, совсем близко от западных берегов Кубы, они прошли, не встретив никого. Так, во всяком случае, думали на шхуне...

Настал четвертый день плавания. По расчетам капитана шхуны, судно находилось в одних сутках хода от берегов провинции Ориенте, на востоке Кубы. Там, недалеко от городка Никеро, на рассвете 30 ноября шхуну будет ждать несколько грузовиков под командой крестьянина Крессенсио Переса, чтобы перебросить отряд к городку, где они вступят в первый бой с солдатами Батисты.

В то же утро 30 ноября должно начаться восстание в городе Сантьяго-де-Куба под руководством Франка Паиса.

С рассвета повстанцы стали готовиться к высадке. Шхуна приобрела весьма колоритный вид. Ее пассажиры сбрасывали гражданскую одежду, распаковывали тюки и надевали сшитую в Мексике форму защитного цвета с красно-черными эмблемами «Движения 26 июля» на рукаве.

За кормой еще долгое время тянулась дорожка из цветастых рубашек, брюк, галстуков, шляп и прочей гражданской амуниции.

Фидель Кастро лично выдавал каждому боеприпасы, аккуратно пересчитывая патроны и обоймы.

Отряд был организован с расчетом на значительное пополнение в будущем. Поэтому руководил отрядом штаб из 13 человек. Остальные были разбиты на три роты: штурмовая рота, которая должна была идти в авангарде под командованием капита-

на Хосе Смита Комаса; центральная рота во главе с негром Хуаном Альмейда; и рота арьергарда, которой командовал Рауль Кастро, младший брат Фиделя.

Каждая рота состояла из трех взводов под командованием лейтенантов.

Взводы не делились на отделения: трудно было разделить семь человек...

В отряде были предусмотрены интендантство — три человека — и здравоохранение — Эрнесто Че Гевара.

...Днем 29 ноября раздался радостный и немного удивленный голос капитана шхуны Роке:

— Берег! Куба!

Вдали виднелись еле уловимые очертания берега. Было странно, что тихоходная яхта добралась до цели на полсутки раньше, чем предполагалось. Может быть, ошибка? Может быть, это не Куба?

Люди всполошились. Все бросились к левому борту.

Да, это была Куба! Но не восточная, а западная часть острова — оконечность мыса Гуанакабибе. Яхта только еще проходила Юкатанский пролив... Двухдневный шторм, видно, сыграл с экспедицией скверную шутку.

Это означало, что до берега Ориенте еще двое с половиной суток пути. Это значило, что высадка, назначенная на 30 ноября, не состоится, грузовики будут ждать повстанцев зря, а выступление Франка Паиса в Сантьяго будет бесполезным. Это означало, наконец, что тщательно разработанный план восстания срывается из-за проклятого океана, который сейчас так ласково стелется за бортом. Еще не

начав боя, революционеры потерпели первое поражение.

Когда на берегу в Мексике встал вопрос — взять ли на шхуну достаточное количество провизии или как можно больше вооружения, — он был решен в пользу оружия и боеприпасов. Поэтому заранее установили очень жесткий суточный рацион: несколько ломтиков ветчины, два апельсина, витаминные таблетки и на троих одна банка сгущенного молока.

Два дня шторма уничтожили половину и этих скудных запасов пищи. Пресная вода в бачках смешалась с соленой и с машинным маслом.

На предстоящие двое с половиной суток пути не оставалось ни продовольствия, ни пресной воды. Конечно, двое суток голода не так уж страшны, однако не перед боем и не после изнурительного шторма.

Каждый из восьмидесяти двух со страхом думал о том, что произойдет завтра, когда Франк Паис и его друзья узнают, что отряд Фиделя Кастро не высадился на Кубе в назначенный срок!

* * *

...Восстание в Сантьяго-де-Куба началось ровно в шесть. К одиннадцати утра группа Франка Паиса захватила здание полиции, военно-морские казармы, телеграф, радиостанцию... Все шло по плану, правда не удалось взять казармы Монкада. Но не это беспокоило Франка Паиса. Он ждал подтверждения о высадке Фиделя. Подтверждения не было. Радио Мансанильо передавало фокстроты...

Прошел еще час, еще час и снова час. Вестей о Фиделе не было.

К вечеру на Сантьяго были брошены войска Батисты... Если высадка десанта не состоялась, удерживать городские учреждения в руках повстанцев бесполезно. Франк отдал приказ, не принимая боя, рассредоточиться, спрятаться и постараться всеми силами сохранить оружие и медикаменты... Теперь он был рад, что дежурный по радиостанции, услышав выстрелы на улице, испугался и, не передав запись по радио, сжег пленку с сообщением о высадке Фиделя...

Высадка

Только на седьмую ночь «Гранма» подошла к берегам Ориенте.

Море было беспокойное, но теперь это радовало повстанцев: меньше было шансов, что их услышат при высадке. Шхуна шла с потушенными огнями.

Планы отряда изменились. Вряд ли грузовики все еще ожидали революционеров, и штаб решил: избегая встреч с противником, двигаться в горы Сьерра-Маэстра, чтобы обосноваться там и связаться с подпольным движением. Но для этого сразу после высадки надо совершить быстрый бросок, чтобы уйти до рассвета от побережья.

Судно шло на северо-восток. Капитан Роке стоял на крыше рулевой рубки, опираясь на короткую радиомачту, и, подавшись вперед, внимательно всматривался в темноту.

Неожиданно большая волна накренила шхуну, и Роке, оступившись, упал в воду.

Останавливать шхуну? Спасать Роке? Но это значило потерять драгоценное время, поставить под угрозу экспедицию. Ведь скоро начнет светать, и тогда пристать к берегу будет почти невозможно.

Фидель раздумывал одно мгновение. В следующую минуту он приказал остановить мотор. Шхуна прекратила движение. Все бросились к борту. Но в крошечной тьме ничего не было видно. Шум волн и ветер, возможно, заглушал голос Роке, да и с момента его падения до полной остановки шхуны прошло все-таки несколько минут, шхуна отделилась от Роке на несколько десятков метров, а волны могли отнести человека в сторону.

На крики со шхуны никто не отзывался. Фидель приказал зажечь прожектор. Это было рискованно. Но иного выхода не было. Прожектор светил всего несколько мгновений и погас: кончился бензин в движке. К счастью, за эти несколько мгновений они увидели, наконец, далеко в волнах голову Роке.

Шхуна двинулась в его сторону. Стали слышны крики:

— Скорее!.. Скорее!.. Я здесь...

Голос прерывался. Каждая минута промедления могла стоить Роке жизни.

Наконец Роке подняли на борт. Но революционеры потеряли пятьдесят минут! Драгоценные пятьдесят минут!

Все еще не появлялся огонь маяка, их главного ориентира, и опасно было идти дальше, не зная, куда попадет шхуна.

В половине четвертого утра они, наконец, увидели маяк, и тогда шхуна пошла к берегу.

Но все-таки у них еще не было уверенности — к тому ли маяку плывет «Гранма», вся беда была в том, что штурман у повстанцев оказался неопытным. Пришлось повернуть шхуну назад. Потом снова вернулись — и опять повернули назад. И еще раз была дана команда идти вперед.

Уже начинало светать. А штурман снова сомневался, и снова два или три раза шхуна меняла курс. Наконец, видя, что небо на востоке уже совсем поголубело и вот-вот покажется диск солнца, Фидель приказал идти к берегу.

Сейчас все решала скорость.

Шхуна шла вперед. Фидель, Рауль, Хуан Альмейда, Камило Сьенфуэгос стояли на носу и всматривались в очертания берега. Единственное, что в этот момент волновало их: Куба ли это? Может быть, побережье какого-нибудь маленького островка?

С остановленным мотором шхуна двигалась к черной полосе берега. Ни огонька, ни малейшего знака, по которому можно определить, где происходит высадка. Что это за место? Как встретит их земля? Не сбились ли они снова с курса? Не ждет ли их засада? Не заметили ли со сторожевого катера луч прожектора, когда разыскивали Роке? Десятки вопросов, тысячи беспокойных мыслей...

Наконец шхуна задела килем о дно и остановилась.

Стояла тишина, только бились о берег волны. Они решили высаживаться. До берега было метров тридцать. Стоявший на носу шхуны боец спрыгнул в воду.

— Ого, здесь глубоко!

Вода скрыла его почти с головой. Метров десять он плыл, отфыркиваясь, затем пошел. Фидель спустился в воду с винтовкой, пистолетом и вещевым мешком. У него вещевой мешок был тяжелее, чем у других, — пятьсот винтовочных патронов и триста пистолетных весили немало.

Держа винтовки высоко над головой, гуськом, как индейцы на военной тропе, восемьдесят два человека перебрались на берег.

Берег густо порос кустарником. Над водой висели в причудливом переплетении голые, мертвые ветви деревьев...

Первый, кто вышел на берег, крикнул тревожным голосом. «Здесь болото!»

Но на поиски более удобного места для высадки времени не оставалось.

Надо идти через болото.

Они оставили на побережье мортиру, пулеметы, лишнюю одежду, одеяла, вещевые мешки... Взяли с собой только пистолеты, винтовки, ящики с боеприпасами и канаты.

Измученные семидневным голодным морским походом восемьдесят два человека начали медленный, изнурительный путь по болоту. Цепляясь за ветки, ползком, раздирая ладони в кровь, протягивая канаты от дерева к дереву, ежеминутно проваливаясь и ежеминутно останавливаясь, чтобы вытаскивать товарищей из трясины, пахнущей серой; отощавшие, израненные и оборванные, они, как привидения, трагически медленно двигались на восток, где показался краешек желтого диска, возвещавшего о рождении нового дня и новой опасности для них.

Фидель проваливался почти на каждом шагу. Чем тяжелее и крупнее был человек, тем труднее ему было двигаться, тем глубже его ноги уходили в болотистый грунт. Они помогали друг другу, брались за руки, протягивали винтовки и снова шли, очень медленно шли. Солнце поднималось все выше и выше.

Вперед они послали разведчиков из тех, кто был поменьше ростом и меньше весил.

Позади, у берега, осталась шхуна — их друг, перенесшая революционеров через морское пространство, от Тукспана в Мексике до Ориенте на Кубе. Теперь она превратилась во врага, немого доносчика. Ее нельзя было взорвать или сжечь —

это значило бы привлечь внимание врага; нельзя потопить, так как место было недостаточно глубокое; нельзя было отогнать в море — кончился бензин. И она стояла у берега, как ориентир, указывающий Батисте, где скрывались его враги.

Они не знали твердо, куда идут. Они не могли сказать точно, где находятся. Один раз вдруг попало несколько метров твердого грунта. Повстанцы обрадовались — наконец-то вышли на землю! Но твердый грунт снова сменился грязью. Из грязи росли кусты. Они переплетались между собой так густо, что приходилось рубить ветви.

Прошел час. Еще час. Три часа. Солнце уже поднялось довольно высоко. По твердой земле за это время они могли бы сделать километров двадцать. По болоту они прошли триста метров. Это значило — сто метров в час, немногим больше одного метра в минуту.

Но кончится же когда-нибудь это проклятое болото!

Они черпали ладонями болотную жижу и пили, процеживая ее сквозь губы.

Фидель разделил людей на несколько групп, чтобы проверить, не окажется ли справа или слева твердая земля. Но твердой земли не было. С трех сторон — болото, а позади — море.

Еще через двести или триста метров открылось маленькое заболоченное озерко. Идти по нему было немножко легче, и вода здесь показалась не такой грязной. Люди вдоволь напились.

Потом снова потянулось болото.

Росло беспокойство — на Кубе ли они? А может быть, это Пинос?

Наконец грунт стал немного тверже...

И тут они услышали выстрелы позади себя. Один... другой, третий... Потом залп, автоматная очередь, снова залп. Стало ясно, что шхуну заметили.

Но одновременно с выстрелами пришла и радость — шедший впереди крикнул:

— Земля!

Не веря себе, все еще с опаской ставя ноги, люди ощупывали землю. Твердую землю! Землю, покрытую настоящей, хорошей, не предательской травой.

Это был самый радостный момент за семь дней, что они шли из Мексики. Они добрались до земли. Они невредимы. Целы. Измучены, но готовы драться.

Стрельба усиливалась...

«Гранма» сделала свое дело. Ее заметили с маленького каботажного суденышка. Среди его пассажиров оказался шпик. Как только судно дошло до Никеро, он обо всем сообщил властям.

К месту высадки подошел военный катер.

Осторожно приблизившись к безмолвной шхуне, солдаты Батисты открыли по ней огонь. Видя, что ответа нет, они поднялись на борт «Гранмы». Среди прочих вещей на палубе был найден небольшой водонепроницаемый пакет, в котором обычно носят детские вещи. На нем они увидели вышитую надпись: «Фиделито Кастро» — имя сына Фиделя.

По радио с катера немедленно доложили о случившемся начальству... От начальства поступил приказ — догнать и уничтожить! Солдаты сошли на берег...

Трагедия в „Радости святого“

...Нельзя было терять ни минуты. Быстро пересчитали людей. И только сейчас обратили внимание, что не хватает девяти человек.

Но ждать отставших или сбившихся с пути было нельзя. Отряд, теперь уже из семидесяти трех человек, продолжал путь. Скоро они услышали стрельбу и со стороны деревушки Белик. Стреляли долго. Минут тридцать. Революционеры решили, что группа отставших наткнулась на регулярные войска.

Еще через полчаса изнурительного марша они услышали шум авиационного мотора. Над деревьями пронесся самолет, время от времени выпуская короткие пулеметные очереди и сбрасывая гранаты.

Но, как видно, летчик не заметил их.

Диктор Гаваны, прервав программу, сообщил: «Сегодня утром на побережье провинции Ориенте, в районе деревни Белик, высадилась группа бандитов во главе с государственным преступником Фиделем Кастро. Доблестные войска президента Фульхенсио Батисты достойно встретили иноземных пришельцев. В жестоком бою на побережье Кастро и его сорок два приспешника убиты. Остальные взяты в плен или разбежались в панике...»

А революционеры тем временем шли дальше в глубь острова, оглядываясь по сторонам в надежде увидеть банановую или кокосовую пальму, найти колодец с пресной водой или повстречать крестьянское жилище.

Куба — равнинная страна. Можно изъездить и исходить весь остров, и перед глазами будет ле-

жать ровная земля. И только на крайнем юго-востоке, в провинции Ориенте, поверхность вздыблена горами, будто кто-то огромной рукой сгреб все горы острова к берегу, собираясь сбросить их в море, да так и не сбросил. Горы не очень высокие — полторы-две тысячи метров, но причудливо изрезанные глубокими ущельями, крутые склоны заросли лесами — даже на вездеходном муле не поднимешься. Только пешком. Горы эти носят название Сьерра-Маэстра. У диктатора Батисты в этих горах не было военных гарнизонов, и никакой танк не смог бы осилить почти отвесные склоны.

К этим горам и шли измученные, голодные люди Фиделя.

Прошел день. Стемнело, а они все шли и шли, не зная точно направления, жуя листья деревьев и остатки витаминных таблеток, которые чудом уцелели у «начальника здравоохранения» — Эрнесто Гевары.

Впереди шел негр, который сражался с Фиделем еще во время знаменитой атаки на казармы Монкада. Он шел голый до пояса — темная кожа не демаскировала его. На плече он нес винтовку.

Выйдя на одну из полянок, он неожиданно увидел прямо перед собой небольшой костер, жаровню над ним и несколько крестьян, мирно сидевших у тлеющих углей в ожидании ужина. Крестьяне вскочили, увидев полуголого черного человека с винтовкой на плече, вышедшего из тьмы леса, и пустились наутек, полные суеверного ужаса.

— Что случилось, кабальерос? — закричал им

вдогонку кто-то из революционеров. — Чего вы испугались? Мы настоящие! Вернитесь!

Но звать было бесполезно.

Семьдесят три человека выстроились в очередь к жаровне и «поужинали» вареным рисом с бобами, предназначавшимися для шестерых крестьян. Это было первое горячее блюдо за много дней. Уходя, они оставили у костра немного денег...

Прошло четыре долгих дня и ночи — тревожных, голодных. Над отрядом часто пролетали самолеты, постреливая из пулеметов. Но люди под деревьями оставались невредимыми.

Утром 5 декабря они остановились в маленькой ложбинке, со всех сторон окруженной густыми зарослями сахарного тростника высотой в два человеческих роста.

Тростник еще не созрел, но они жевали пористые, прессующиеся во рту стебли и высасывали сладкую, прохладную влагу.

Было решено сделать здесь первый большой привал: выспаться, почистить оружие, хоть немного привести в порядок изорванную грязную одежду.

Настроение людей поднялось. Послышались шутки, смех. Несколько раз Фидель призывал к тишине. Люди на минуту умолкали, потом снова начинался шум. Особенно громки были голоса со стороны роты арьергарда.

— Кто разговаривал?! — Фидель неожиданно вырос перед ними.

Нет ответа.

— Кто разговаривал, я спрашиваю, назовите имя!

Пауза.

— Командир роты?
— Я, — это ответил Рауль Кастро.
— Вы отстранены. Пусть примет командование ротой второй офицер.

Этот диалог, услышанный всем отрядом, сразу возымел действие. Установилась тишина. Через некоторое время к Фиделю пришел Хуан Альмейда. Он просил не смещать Рауля, так как это он, Альмейда, разговаривал в тот момент в роте. О Рауле просили и другие солдаты. Фидель изменил решение, ограничившись выговором.

Люди удобно расположились в ложбинке. Они спали, чистили оружие, грызли тростник, курили, писали, просто лежали на земле.

В конце концов еще далеко не все потеряно. Главное, что все живы. Отставшие девять товарищей нашлись — они нагнали отряд на второй день после выхода из болота. Все, кто погрузился на шхуну в Тукспане, снова вместе.

Они доберутся до гор... И оттуда начнут борьбу... А что до оружия и боеприпасов, брошенных при высадке, так они добудут их в первом же бою.

И никто из них не знал, что бой начнется очень скоро.

Первые выстрелы раздались в четыре часа дня. Через минуту тростниковое поле, по иронии судьбы носившее название «Алегриа де Пио» — «Радость святого», — превратилось в ад. Первый регулярный полк батистовской армии в полном составе наступал на окруженных, попавших в ловушку революционеров. Кто-то донес, выдал властям место привала повстанцев.

Первым погиб от пули врага Умберто Ламот. Выстрел, раздавшийся из зарослей тростника, ранил в грудь аргентинского врача Эрнесто Че Гевару. Рубашка его стала красной от крови. Вывалилась винтовка из рук гаванского студента Рауля Суареса — пуля раздробила ему кисть.

Разделившись на маленькие группы, повстанцы начали отходить в разные стороны. Принять бой — значило обречь себя на гибель. Надо было скрыться в тростнике и дожждаться ночи. Но тут началось самое страшное. Послышался сухой треск, и в воздухе запахло дымом. Горел тростник. Огромная багрово-желтая стена огня, гонимая ветром, двигалась на повстанцев.

...Всего несколько человек из восьмидесяти двух были убиты в тот трагический день на сахарных полях Алегрриа де Пио. Но девятнадцать человек сгорели заживо. Несколько групп, наткнувшись позднее на засады, попали в плен и были расстреляны. Батистовцы убили всех раненых, найденных на поле боя.

Батиста в Гаване праздновал победу.

А в сторону гор упрямо двигались двенадцать человек...

Из дневника Че Гевары

«...Каждый старался укрыться, как мог; приказание командира были напрасны, так как у него не было контакта с подчиненными офицерами. Я вспоминаю, что майор Альмейда потащил меня за собой, видя, что я почти не способен продвигаться вперед. И, повинувшись его властному голосу, я поднялся и продолжал идти, думая, что настали последние мгновения моей жизни.

...С Альмейдой во главе мы сдерживали натиск и отходили, пока не скрылись в густом лесу; шли до тех пор, пока абсолютная тьма не остановила нас. Спали вповалку. Потеряно было все снаряжение, кроме оружия и двух фляжек, которые несли Альмейда и я.

Мы шли девять дней, безмерно страдая от голода. Приходилось есть траву и сырую кукурузу. До нас доходили слухи — и плохие и воодушевляющие в одно и то же время. К сообщениям о творящихся вокруг нас преступлениях добавилось обнадеживающее: Фидель был жив. По совету крестьян мы хорошо спрятали винтовки и попытались пересечь тщательно охраняемую дорогу с одними только пистолетами. Спрятанное нами оружие потом было безвозвратно потеряно, но зато мы приближались к тому месту Сьерра-Маэстры, где находился Фидель.

Приблизительно через 15 дней после катастро-

фы объединились все оставшиеся в живых... Подсчет жертв был долгий и скорбный... Длинный список все пополнялся новыми именами тех, кто самоотверженно выполнил клятву Фиделя: «В 1956 году мы будем свободными или умрем как мученики». Теперь на немногих оставшихся под командованием Фиделя Кастро легла ответственность поднять знамя восстания и воплотить в жизнь первую часть этой клятвы: «Будем свободными...» Мы должны были добиться этого ради тех, которые погибли здесь, и ради погибавших изо дня в день в кровавых застенках по всей Кубе. Это казалось фантастичным, но тем не менее в нашем маленьком отряде говорили о победе, о наступлении...»

Теперь я ненадолго прерву свой рассказ, чтобы перенести вас на несколько лет вперед, в Кубу начала 1960 года, в Кубу, какой я ее увидел во время своей первой поездки туда.

Журналистам приходится много путешествовать. И, естественно, приходится много писать. Писать трудно, мучительно трудно. Но во сто крат сложнее из огромного запаса впечатлений, встреч, записей в блокноте найти то главное, о чем писать необходимо. Ведь бывает и так — встреч, разговоров, впечатлений много, а писать не о чем. Значит, или виделся с людьми неинтересными, или поговорить как следует не удалось.

По собственному опыту я знаю, как тяжело, особенно в чужой стране, отыскать людей, которые могут тебе рассказать о самом важном, о самом главном в жизни, а отыскав, как трудно бывает вызвать человека на откровенный разговор.

Я приехал на Кубу в начале 1960 года со счастливой задачей — рассказать о людях, участвовавших в революции. Я тщательно готовился к трудным розыскам. Ведь в момент высадки у Фиделя на шхуне было всего восемьдесят два человека, а после трагедии в «Радости святого» осталась горстка людей. Правда, силы Фиделя в горах накапливались из месяца в месяц — вначале у него было двенадцать человек, потом двадцать, тридцать, сто, двести... Но где они сейчас, эти люди? Найдут ли я их?

Начав свои поиски, я решил пройти весь путь, который совершили Фидель и его друзья. Сопровождал меня в этом интереснейшем путешествии мой друг — Хиральдо Мартинес.

...В один из прохладных дней февраля 1960 года мы наняли маленький рабочий ботик в приморской деревушке в заливе Гуаканаябо и попросили двух рыбаков отвезти меня к месту высадки отряда Фиделя со шхуны «Гранма». Море было спокойно, и через час пути ботик подошел к низкой береговой полосе, густо покрытой невысоким кустарником и причудливой формы изломанными деревьями. Растения подходили к самой воде, и это означало, что дно здесь глубоко. Я спрыгнул в воду и, схватившись руками за ветки, выбрался на берег. Парни в боте с интересом наблюдали за мной.

— Осторожней, — сказал один из них. — Провалитесь.

За каемкой густого кустарника виднелась серая, будто обтянутая старым, потрескавшимся куском кожи земля. Я ступил на нее ногой, и но-

га ушла в теплую вязкую грязь по колено. Я оперся другой ногой на кочку — и снова провалился. Теперь я был в грязи по пояс и медленно погружался глубже.

Один из парней поспешил на помощь. Он бросил мне конец каната. Я обвязал себя под мышками и, цепляясь руками за скользкие ветки кустов, с трудом выбрался на твердую землю.

— Говорил же, осторожней! — пробурчал парень, выбирая канат.

Я осмотрелся вокруг. Серая предательская корка, покрытая, будто колючей проволокой, густо переплетенными ветвями кустарника, насколько хватал глаз, тянулась в глубь острова и вдоль побережья. Местами среди кустов торчали пни без коры, будто голые.

— Как же они шли? — спросил я.

Парень присвистнул.

— Они не шли... Ползли... Если ползешь, меньше затягивает... Потом тут кое-где стояли деревья... Они — на руках. С ветки на ветку... Сейчас крестьяне деревья повыврубили. Будут осушать болото...

Зеленой ящерицей раскинулся остров Куба в Карибском море. На тысячи километров тянется его извилистая береговая линия, украшенная причудливым коралловым ожерельем. Но, пожалуй, нигде на всем кубинском побережье нет места более дикого и неприступного.

...Я снова сел в бот, и мы вернулись в рыбацью деревушку Белик. Толстый Хиральдо спал в «джипе», не выпуская изо рта сигары. Я растолкал его.

— Куда? — спросил он, сразу включая стартер.

— В то место, где они вышли из болота.

— Ага! Я говорил, вы не пройдете, — торжествующе засмеялся Хиральдо. — Пустая затея.

— Там вырублены деревья, — объяснил я.

— Верно, вырублены. Теперь это совсем невозможно. Только Фидель мог пройти.

Ему доставляла не злое, хорошее удовольствие мысль, что вот иностранец не смог пройти, а кубинцы с Фиделем прошли. Чтобы не расстраивать меня, он примирительно произнес:

— Конечно, там вырублены все деревья. Без них, может быть, и Фидель не прошел бы...

Через полчаса мы подъехали к поляне, где стояли редкие белой коры деревья увийя, валялись сучья, торчали невыкорчеванные пни. Из земли поднимались два шеста, соединенные наверху дощатой аркой. На ней белыми буквами было выведено: «Дорога освобождения. 2 декабря 1956 года». Арку поставили совсем недавно.

Сюда ступили измученные переходом через болото, окровавленные, в изодранной одежде революционеры, сжимая в руках грязные, вымазанные в тине винтовки.

«Джип» снова затрясло по ухабам. Чтобы не терять времени, я старательно объяснял Хиральдо свою журналистскую задачу.

— Понимаете, дорогой мой Хиральдо, мне нужно найти тех, кто участвовал в революции. На всех ее этапах, начиная с того момента, как начали стекаться к Фиделю в горы крестьяне, рабочие из городов — все те, кто хотел помочь революции.

— Понятно, — согласно кивал Хиральдо.

— В крайнем случае — очевидцев, свидетелей этой борьбы, — продолжал объяснять я.

— Понятно, — немногословно отвечал, внимательно посматривая на дорогу, Хиральдо. И вдруг сказал отрывисто: — Сюда!

— Что случилось? — спросил я. — Что-нибудь с машиной?

— Нет, — ответил Хиральдо. — Вот люди, которые вам нужны.

— Это ваши знакомые?

— Нет.

— Откуда же вы знаете, что они участники революции? — удивился я.

— Здесь не было неучастников, — сказал Хиральдо.

На обочине стояла маленькая дощатая хибарка, в которой, кроме разной снеди и продуктов, мог поместиться только один человек — хозяин. Посетителям был отведен снаружи под соломенным навесом стол, сделанный из ящиков для апельсинов.

За столом сидели четверо крестьян и играли в карты. Лошади стояли тут же, привязанные к столбикам навеса.

Играли горячо: изо всей силы били потрепанными картами о стол, спорили и кидали на пол соломенные шляпы. Огромные крестьянские ножи — мачете — в металлических ножнах воинственно бились о ящики, служившие сиденьями.

Перед каждым стояла белая фаянсовая чашка с кофе и стопка с водой. Сделав особенно удачный ход, игрок с удовольствием отхлебывал из толстенной чашки, чмокал восхищенно и запивал глотком холодной воды из стаканчика.

Игроки вежливо, но равнодушно приподняли

шляпы при нашем появлении. Однако после того, как Хиральдо сделал несколько замечаний, обнаруживших в нем незаурядного знатока карточных баталий, нас приняли в компанию.

Скоро игра была оставлена, и за столом потек дружеский спокойный разговор о житье-бытье. Вместе с разговором тек кофе, в основном направляясь в желудок веселого Хиральдо.

Все четверо оказались членами одного из близлежащих кооперативов. Этот кооператив был организован на землях помещика-латифундиста, конфискованных государством после революции.

Все четверо раньше работали у помещика батраками — своей земли у них тогда не было.

Передо мной сидели люди, удивительно знакомые своей неторопливостью и основательностью в разговоре, юмором в глазах, обветренной потрепавшейся кожей на лице и на руках, манерой почесывать затылок и сдвигать шляпу на лоб... Совсем как наши русские колхозники откуда-нибудь с Кубани, только лица посмуглей, глаза почерней, поля соломенных шляп пошире и загнуты пофасонистей, и вместо папиросы — здоровенная коричневая сигара во рту, одна затяжка которой сбивает с ног непривычного человека...

С помощью Хиральдо я полегоньку начал переводить разговор на события трехлетней давности... Ведь именно через эти места прошли двенадцать бойцов Фиделя, ведь именно в тех горах, которые так ясно видны отсюда, укрылись они от преследований и организовали базу революционной борьбы.

Высокий плечистый крестьянин, которого ос-

тальные звали Педро, все время держал левую руку в кармане и даже в карты играл одной правой, ловко перебирая их большими, сильными пальцами. Поперек лба, как раз над переносицей, у него белел широкий шрам. Педро немного стеснялся своего несчастья и, видимо, поэтому время от времени поправлял шляпу, надвигая ее низко на лоб. Один из друзей хлопнул товарища по плечу:

— Расскажи, Педро, русскому журналисту о шраме и руке.

Педро вначале отказывался, но потом, уступая общим просьбам, положил на стол хлыст с витым кожаным кнутовищем и начал.

Мешок рису

— Был у нашей семьи когда-то кусочек земли. Маленький, но все-таки кусочек. Но году в пятьдесят третьем мы его лишились. Просто пришла полиция, согнала с земли, дом наш тростниковый сожгла, а нас пустила на все четыре стороны.

Стали мы нашу же землю теперь арендовать у помещика... Но не выдержали, разорились вконец. И пошел я к нему, к помещику, батраком.

Когда Фидель высадился в декабре пятьдесят шестого — прошел у нас об этом слух. В политике мы, простые крестьяне, не очень-то разбирались, но знали, что жить, как мы живем, невозможно, и каждый, кто против этих порядков борется, борется за нас. Как по-настоящему помочь Фиделю, не знали, где он и его отряд и сколько у него людей, тоже не было известно. Только шел слух, что они в го-

рах. Войска Батисты окружили горы, чтобы ни один человек туда и ни один — оттуда.

Вот в те времена и начали мы между собой собирать деньги, продовольствие и тайно направлять посыльных в горы, чтобы передать повстанцам. Собирали по крохам: кто немного рису даст, кто бобов, кто помидоры пожертвует. Денег, конечно, совсем мало собрали, их просто не было.

Однажды вызвался и я идти в горы с мешком риса для людей Фиделя. К тому времени нам было известно, что лагерь Фиделя находится на пике Туркино — самой высокой горе в Сьерра-Маэстре. От нас это много километров. Как я найду повстанцев, понятия не имел. Но только очень хотелось передать рис, а главное — передать, что все мы с ними душой и, если что нужно будет, всегда поможем. Возьмем наши мачете и пойдем с ними хоть против танков...

Но не дошел я до Фиделя.

Недалеко от этих мест, близ городка Эстрада-Пальма, меня задержал патруль.

— Что несешь? — спрашивает офицер.

— Рис, — отвечаю.

— Кому?

— Брату.

— Какому такому брату?

— Родному брату, он недалеко живет.

А у меня действительно в этих местах брат жил — Аугусто.

Офицер молчит и медленно ко мне подходит. Я мешок на землю поставил, жду, что будет дальше.

— Ну-ка, развяжи, — приказывает офицер и кивает на мешок.

Только я нагнулся — и вдруг в глазах темно. И боль в затылке...

Очнулся я в полной темноте. Лежу на земле в каком-то помещении. Голова как чугунная. Начал себя ощупывать. Дотронулся до лица — и сразу рука липкая. Видно, он мне кованым башмаком в переносицу ударил. Почему затылок болел, не знаю. Через час пришли солдаты и отвели к тому же офицеру.

— Ну, подумал ты своей разбитой башкой? — сказал и смеется. — А теперь отвечай: кому нес рис? Где Фидель? Кто дал тебе мешок?

Я повторил все сначала: рис, мол, нес брату.

— Хорошо, — сказал спокойно офицер. — Придется сделать тебе маникюр, а то у тебя пальцы некрасивые.

Я не понял, что он сказал, и ждал.

Пришли два солдата. Привязали меня крепко к стулу, а палец руки вставили в железное кольцо, укрепленное на столе. Кольцо сжали винтом так, что пальцем не двинешь, и офицер специальными щипчиками начал отдирать ноготь...

Я еще слабый был от удара в лицо и надеялся, что потеряю сознание, мучиться буду меньше. Но сознание не уходило...

Так продолжалось несколько дней. Я все-таки молчал.

Однажды офицер повел меня за город. «На расстрел», — решил я. Остановились мы на пустыре. Посредине пустыря — столб. К нему привязан человек. В десяти шагах от столба солдаты стоят с винтовками. Подвели меня ближе. Смотрю, у столба Аугусто стоит — брат.

— Если ты сейчас не скажешь правду, — говорит офицер, — твой брат увидит святую мадонну.

У меня все внутри оборвалось. Лихорадочно соображаю, что делать.

— Ну? — спрашивает офицер. — Считаю до десяти.

На счете «восемь», когда солдаты уже поднимали ружья, я сказал:

— Отвяжите его и с меня наручники снимите, я скажу.

Офицер поверил. Брата освободили, подвели ко мне. Мы обнялись.

— Пусть солдаты отойдут, — говорю офицеру, — чтобы только вы знали.

То ли он от радости всякую осторожность потерял, то ли на мою слабость надеялся. Не знаю. Только отдал приказ солдатам. Те отошли, покуряют сигары.

Что есть силы я ударил офицера ногой в живот. Отлетел он метра на три и упал — видно, удачно я попал. Мы с братом бросились бежать. Солдаты вначале растерялись и стрелять начали через несколько секунд, когда мы уже были рядом с сахарным тростником, который окружал пустырь. И все-таки они успели. Брат упал. Я обернулся, увидел — в затылке у него рана. Бросился дальше. Уже когда был в тростнике, какая-то шальная пуля попала мне в левую руку. Рана пустяковая, но вот видите... Не двигается. Нервы, что ли, перебиты, не знаю. До повстанцев я все-таки кое-как добрался. Две недели шел. Питался одним сахарным тростником. Пришел к ним, да так и остался в горах. До побе-

ды. А мешок с рисом не донес. Жалко, им тогда провизия очень была нужна...

Педро улыбнулся виновато, будто ждал, что мы все сейчас начнем корить его за мешок рису, который он не донес...

Это была моя первая, как я думал, встреча с участником кубинской революции. После нее я понял, что мой опыт в розыске людей, о которых надо писать, на Кубе не нужен.

Сейчас я листаю записную книжку, и мне среди сотен записей трудно отобрать наиболее интересный рассказ. Все интересно, все важно. Хотя, впрочем, вот этот, пожалуй, будет полнее других.

Итак, мы остановились на том, как первые крестьяне, прослышав о высадке революционеров в провинции Ориенте, пытались оказать помощь людям, поднявшим знамя борьбы за свободу Кубы.

Франк Паис, возглавлявший большую подпольную группу сторонников Кастро в Сантьяго-де-Куба, тайно направлял к Фиделю верных людей, доставлял оружие, боеприпасы и продовольствие.

О том, как это происходило, мне рассказал капитан повстанческой армии Артуро Перейра, с которым меня познакомил мой друг Хиральдо.

Бензобак и пулемет

— Я из Мансанильо, — рассказывал капитан. — Работал там шофером на грузовике. Перевозил продукты, вещи, в общем по найму — что придется, от магазина к магазину до Сьерры.

Второго декабря по радио передали: высадился Фидель. Вся его группа убита или взята в плен.

А через месяц по поручению Франка Паиса я уже возил продукты, оружие и амуницию для Фиделя.

Снабжением Сьерры из Мансанильо командовала Селья Санчес. Вы ее когда-нибудь видели? Она сейчас секретарь Фиделя.

Первое, что Батиста сделал, окружил всю Сьерра-Маэстру наглухо. Чтобы ни одна мышь ни туда, ни оттуда. Расставил контрольные посты на всех дорогах и запретил всякое снабжение Сьерры продуктами. Он хотел заморить повстанцев голодом. Вместе с ними погибли бы и крестьяне, живущие в горах. Но это его не беспокоило.

Так вот, начал я возить. Мой маршрут был от Мансанильо до Провиденс, каждые два-три дня. Там я передавал груз нашим людям, а они на мулах и пешком доставляли его в горы. Проверка была при выезде из Мансанильо, в Джаре и в Эстрада-Пальме. Солдаты проверяли бумаги и потом — нет ли в машине консервов, фруктов, галет и другого в этом роде. Я возил рис и бобы. Первое время рис и бобы разрешалось возить в горы, так как Батиста думал: повстанцы не смогут готовить пищу на огне, боясь демаскироваться. Но пищу революционерам готовили крестьяне в своих хижинах.

Вот так и лежали у меня в кузове мешки с рисом и бобами, салатом, помидорами. А на дне, под вторым полом, — винтовки, пистолеты, патроны, одежда, консервы. Доставали тогда оружие сложными путями: по ночам ловили в городе одиночных батистовских солдат, раздевали и отбирали оружие.

Те бежали в нижнем белье в комендатуру. Иногда таких голоштанников собиралось за ночь два-три человека.

Была у нас, подпольщиков, своя агентура среди кубинцев, работавших на американской военной базе в Гуантанамо. Иногда там оружие похищали, а иногда просто покупали у американских солдат за ром бакарди — как они потом отчитывались перед начальством, не знаю.

Ездил я на машине один. Иногда перевозил не только продукты и оружие, но и нужных людей. Тогда объяснял солдатам — это, мол, мой помощник...

Прошло несколько месяцев. Батиста понял, что все его меры — ерунда. Не действуют его меры. Число повстанцев увеличивается, оружие к ним помалу, но течет, с голоду они тоже не умирают... И тогда Батиста издал приказ, по которому солдаты теперь обязаны были проверять каждый мешок, каждый кулечек в отдельности.

А был как раз сезон дождей. Я ездил обязательно в дождь и мешки ничем не прикрывал. Возиться с мокрыми мешками — дело хлопотное, и самим под дождем мокнуть солдатам тоже не очень хотелось. Так мне все сходило с рук месяца полтора.

Я познакомился со многими солдатами на контрольных постах. Угощал их сигарами, дарил разные безделушки. Они мне верили и почти не проверяли. Часто просили подвезти. Я не отказывался. Так и ездил: на мешках батистовский солдат, в мешках рис, а под рисом оружие для Фиделя. Я настолько к этому привык, что когда вез особенно опасный груз, специально напрашивался: не надо ли сень-

оров солдат и офицеров подвезти куда-нибудь? И очень радовался, если попутчик находился: меньше было опасности — с ним почти не проверяли.

Так прошло еще месяца полтора. И вдруг по приказу Батисты сменили все посты. На место знакомых мне солдат пришли новые. Говорят, им за каждого пойманного «контрабандиста» полагался крупный куш, а за каждого пропущенного — арест. Они работали как звери и в жару и в дождь: проверяли каждый мешок.

Мы тогда в подполье вместе с Франком Паисом долго обсуждали: что же делать дальше, как переправлять необходимые вещи? Таких связных на машинах, как я, было несколько.

Франк Паис придумал перевозить грузы в бензобаках. Да, в обыкновенном бензобаке, который есть в каждой машине.

Предложение было принято. Бензобаки мы перегородили железными переборками, так что бензина там оставалось всего литров десять-пятнадцать, а все остальное пространство заполнялось нужными вещами. Конечно, много тут не перевезешь, но все-таки.

Так вот и сделали мы. Приходилось брать в кузов канистры и пополнять бак чуть ли не каждые сто километров. Важно было, чтобы это не бросалось в глаза.

Винтовки мы перевозили в разобранном виде. Но однажды наши друзья в Сантьяго раздобыли где-то ручной пулемет. Ручной пулемет в горах — на вес золота, нужно было доставить его быстро. А ствол его не помещался в бензобаке никак. Долго думали, как выйти из положения. Наконец придумали

мали. Взялась за это дело Флавия. Та самая, что перевезла облигации революционного займа в коробке из-под торта. Не слышали? Вы здесь у любого спросите — вам расскажут. Так вот, она села со мной в кабину, на краешек сиденья, поставила пулемет перед собой так, что ручки стояли на полу, а конец ствола подходил к самому ее подбородку. Обложила ствол подушками. А сверху надела широченное платье и стала похожа на беременную. Так на краешке сиденья и на краю смерти проехала она со мной в Мансанильо. На первом контрольном пункте ее попросили выйти, она схватилась за «живот», заохала, побледнела — действительно побледнела, было с чего, — закатила глаза, а я объяснил, что ей очень плохо, ее везут к знакомому врачу и, если она сдвинется с места, ей может быть хуже. Солдаты засмеялись, но, видно, боялись, если действительно случится с ней что-нибудь — потом хлопот с сеньорой не оберешься, — и пропустили. Так на трех постах. Только один раз, уже около самого Мансанильо, вдруг встретился, как назло, какой-то знакомый Флавии. При всех солдатах он, болван, закричал:

— Что с тобой? Опухла-то как! Ведь месяц назад ничего не было.

Солдаты насторожились. Но Флавия заохала и обозвала его дураком, который ничего не понимает в болезнях. Это почему-то подействовало... Так и довели ручной пулемет прямехонько до Фиделя.

Ну, а я все-таки провалился в конце концов. Это случилось месяца через три после истории с пулеметом. Была облава, и меня арестовали с машиной. Это уже случалось не первый раз и всегда сходило

благополучно. Но тут какому-то непоседливому офицеру понадобилось съездить за сотню километров от места, где я был под арестом. Он взял мою машину и поехал. Я понял, что песенка моя спета. Бензин был на исходе. Через каких-нибудь десять километров машина станет, он проверит бак, и все раскроется.

Это было в Эстрада-Пальме. В двухстах метрах от сарая, где я находился, начиналось поле сахарного тростника и тянулось, я знал, на много километров. Часовой был далеко, один, и я решил подождать на всякий случай, вдруг все обойдется. Но не обошлось. Через полчаса прикатила моя машина. Я видел, как из нее вылез офицер и принялся орать на солдат, указывая на бензобак. Солдаты начали сбивать бак прикладами. Я бросился бежать в тростник. Найти человека в поле тростника — все равно что иголку в стоге сена. Они стреляли часа два, даже самолет вызвали, он покружился над полем и улетел. Места эти я знал с детства и через несколько суток был уже в горах — у Фиделя.

С тех пор я остался в Сьерре. Целый год шли бои, мелкие стычки. Мы применяли партизанскую тактику: не шли на крупные сражения, но изматывали противника неожиданными быстрыми ударами. Силы наши росли...

Наконец взбешенный диктатор предпринял «решающее наступление» и раззвонил об этом по всему миру. Это было в мае 1958 года. Сражения шли два с половиной месяца. Батиста бросил против нас четырнадцать пехотных батальонов, семь отдельных рот, танки и самолеты с напалмовыми бомбами. Вначале батистовцы теснили нас, но

в июле мы одержали первую крупную победу при Эль Хигуэ. С тех пор все пошло иначе. Я расскажу вам, как это было.

11 июля восемнадцатый батальон Батисты стал лагерем в Эль Хигуэ, в десяти километрах от пика Туркино. Фидель в это время сконцентрировал здесь все свои группы и занял позиции вокруг противника.

Ночью мы выкрали нескольких пленных. Прдержали их до утра, а утром собрали хорошо одетых бойцов, вооружили их как следует и сделали так, чтобы пленные их видели. Потом пленных накормили и ночью снова доставили в батальон Батисты, чтобы те рассказали, во-первых, о нашей силе, во-вторых, о том, как мы обращаемся с пленными. Кроме того, один из пленных передал своему командиру письмо от Фиделя.

Дело в том, что батальоном командовал капитан Хосе Кеведо — один из немногих офицеров Батисты, который не потерял человеческого облика и не опустился до издевательств над населением и солдатами. Фидель знал капитана Кеведо лично. Когда-то они вместе учились в университете на юридическом факультете.

(Копию этого письма я получил потом у секретаря Фиделя Кастро, поэтому привожу его здесь текстуально, лишь с незначительными сокращениями. — Г. Б.)

«Сьерра-Маэстра
Командир Хосе Кеведо!

С глубокой грустью узнал я от первых пленных, что вы командир осажденного войска... Вы

знаете, что дело, за которое жертвуют собой и умирают эти солдаты и вы сами, — несправедливое дело. Вы — военный, сохранивший свою честь и знаток законов, вы знаете, что диктатура — это насилие над всеми конституционными и человеческими правами нашего народа. Вы знаете, что диктатура не имеет права жертвовать солдатами республики для защиты режима, который угнетает страну, попирает свободу и держится лишь террором и преступлением. Она не имеет права посылать солдат республики биться против своих собственных братьев, которые требуют только того, чтобы жить свободными... Мы не воюем против армии. Мы горько оплакиваем каждого солдата, который умирает, защищая подлое и несправедливое дело.

Министры, сенаторы и генералы находятся в Гаване. Они не подвергаются риску и не выполняют тяжелой работы, в то время как их солдаты, окруженные стальными кольцами, терпят голод и находятся на краю гибели.

Ваше войско осаждено, у вас нет ни малейшей надежды на спасение. Все пути — сушей и водой — отрезаны, они перерывы траншеями и заминированы...

Вы погибнете от голода или от пуль, если битва будет продолжаться. Жертвовать этими людьми в безнадежной битве ради позорного дела — это преступление, которое человек чувств, человек сердца не может совершить.

В этом положении я предлагаю вам сдаться с почетом и достоинством. Со всеми людьми мы

будем обращаться с уважением. Офицеры смогут оставить при себе оружие.

Примите эти предложения.

Вы сдадитесь не врагу родины, а искреннему революционеру, бойцу, который борется за счастье всех кубинцев, даже тех солдат, которые с нами сражаются.

Фидель Кастро».

— Мы передали текст письма и через громкоговорители, — продолжал капитан. — В перерывах, в моменты затишья по радио мы передавали кубинскую музыку, чтобы напомнить солдатам о доме.

Хосе Кеведо держался еще несколько дней. Солдаты его уважали. И поэтому слушались приказов. Ну, а главное — они все-таки очень боялись нас. Батиста запугал их тем, будто мы пытаем пленных. Над нашими пленными батистовские офицеры действительно издевались, и потому солдаты не верили, что мы можем относиться к ним иначе.

Шли дни, солдаты противника падали в своих окопах от голода и жажды. Мы передавали музыку и уговаривали сдаться, чтобы не проливать зря кровь... Однажды мы предложили перемирие и прекратили огонь на несколько часов.

Их солдаты вышли из траншей. Осторожно, боясь обмана. Наши тоже вышли.

Опустив винтовки, мы медленно шли друг другу навстречу по «ничьей земле». Пройдя несколько десятков метров, начали бросать винтовки на землю. Они не выдержали и кинулись к нам бегом,

принялись обнимать нас, целовать. Мы дали им воды, немного пищи и сигар. Солдаты плакали...

После этого стрелять уже было невозможно. Прошел день, начался вечер, и в час ночи 21 июля остатки батальона № 18 сдались повстанцам.

О, это была действительно крупная победа! Во-первых, это означало, что «решающее наступление» Батисты провалилось, а во-вторых... Я до сих пор помню точные цифры, так как подсчитывал трофеи: около ста винтовок системы «спринг-фильд», полсотни автоматов «кристобл», два десятка системы «гаранд», четыре строченных автоматических ружья, одна базука с шестьюдесятью снарядами к ней, одна 81-миллиметровая и одна 60-миллиметровая мортиры, полтора снаряда к ним, около сорока тысяч патронов, больше сотни гранат...

После этой нашей победы наступление Батисты захлебнулось, и мы сами пошли вниз, с гор в контр наступление...

Меня очень заинтересовало в рассказе капитана Артуро Перейра его упоминание о какой-то Флави и о том, как она перевезла в горы к Фиделю ручной пулемет, как доставила из Гаваны в Сантьяго облигации тайного революционного займа. Я пытался разыскать ее, но все было безуспешно.

Только в самом конце моего пребывания в Сантьяго мне удалось, наконец, узнать все подробности той истории с облигациями. Как это произошло, я расскажу вам чуть позже, а вначале познакомлю вас с самой историей.

Коробка из-под шоколадного торта

Шофер взял в руки чемоданчик. Она держала коробку. Коробка была большая. Черная, с белыми и красными узорами. Сверху она была покрыта целлофаном, скрепленным прозрачной клейкой шотландской тесьмой. Картонное сооружение было замысловато перевязано голубой шелковой лентой с красивым четырехлепестковым бантом. И все это, в свою очередь, помещалось в прозрачном нейлоновом пакете с надписью: «Педро Гонсалес. Лучшие рубашки. Не требуют утюга. Стирайте и носите. Цены доступны».

Они подошли к конторке авиакомпании «Кубана Авиасион».

— Один билет до Сантьяго, — сказала Флавия, ставя на прилавок цветастую коробку. — На ближайший самолет.

— Сожалею, сеньора, но на ближайший мест нет.

Чиновник склонил густо набриоленную голову.

— Тогда на вечерний...

— И на вечерний нет. Все переполнено.

— Когда же можно улететь? — Флавия начала волноваться. «Торт» нужно было доставить как можно скорее. Лишний день мог испортить все планы и сорвать закупку оружия.

Чиновник порылся в книге, потом позвонил куда-то.

— Должен вас огорчить, сеньора, — сказал он, — но раньше чем через пять дней вы из Гаваны вылететь не сможете.

Видимо, на ее лице было написано такое огорчение, что чиновник снова стал рыться в книге.

— Моментико... Если вам действительно нужно срочно в Сантьяго... — он листал страницы, не забывая изредка поглядывать на Флавию, — моментико... моментико... Вот, пожалуйста! Я справлялся недавно на автобусной станции, у них еще есть свободные места. Автобус уходит через час.. Шестнадцать часов — и вы в Сантьяго... Утром вас уже поцелует любимый...

Флавия кокетливо улыбнулась — чиновник был симпатичный. И тут же подумала: «Дура легкомысленная!

Легкомысленная дура! Такое поручение, а ты... Автобус? Но это значит по меньшей мере четыре проверки багажа и документов...»

— Я кончаю работу через пятнадцать минут, — сказал любезно служащий авиакомпании. — Мог бы вас подвезти.

— Спасибо, у меня машина...

«Автобус... автобус, — думала она. — А что, если действительно... Утром уже там... От наших только влетит...»

— Разрешите, я помогу вам, — чиновник, не

дожидаясь ее согласия, взял со стойки коробку. — Ого, какой тяжелый! Просто не верится, что торт...

Флавия обмерла.

— Это он... весь шоколадный... Знаете, целиком...

— Наверное, очень вкусно.

— Да, конечно... Ведь шоколад... Вы любите шоколад?

Она достала из сумочки плитку.

— О, из ваших рук!

Он поставил коробку на сиденье автомобиля. Звякнула пружина.

Флавия помахала ему рукой из окна.

— Счастливого пути, сеньора, — чиновник приставил два пальца к фуражке. — Возвращайтесь на самолете. Мое имя Орацио.

Флавия послала ему воздушный поцелуй. Не заподозрил ли он? Нет, кажется, обошлось...

— На автобусную станцию, — сказала она.

— Ты поедешь на автобусе? — насторожился шофер. — А как же наши?

— Не твое дело, Хосе. Поскорее. Автобус уходит через час, надо взять билеты.

— Смотри, Флавия, ведь там проверка.

— Через пять дней облигации никому не будут нужны.

— Может быть, все-таки заедем к нашим, посоветуемся?

— На автобусную станцию! — сказала Флавия с ударением.

Больше Хосе не переспрашивал.

Они приехали за пятнадцать минут до отправ-

ления. Хосе взял билет. Ее чемоданчик положили в багажное отделение — под пол. Коробку она взяла с собой.

Все пассажиры были уже на месте. Флавия досталось кресло рядом с пожилым субъектом в белой панаме. От ушей у него шли провода, соединявшиеся в боковом кармане пиджака.

Впереди сидели молодая женщина с грудным ребенком и тощая старуха, вся увешанная фальшивыми драгоценностями.

«Что это так вырядилась?» — подумала Флавия, ставя коробку на сетку, которая шла вдоль всего автобуса над сиденьями. Нейлоновые клеточки глубоко продавились под тяжестью «торта».

— Какой тяжелый! — сказал кондуктор в белой рубашке с погончиками и темно-синим форменным галстуком. — Может быть, вам лучше поставить его под кресло?

«Что они все прицепились? Как назло!» — подумала Флавия и вслух сказала:

— Шоколадный. Целиком шоколадный... Подруга выходит замуж. Может быть, действительно под креслом лучше...

Автобус тронулся. Они миновали фруктовый рынок. Он уже не был таким многолюдным, как днем. Уборщики подметали апельсиновые и банановые корки. Продавцы увозили ручные тележки с нераспроданными фруктами. Бродил нищий, накалывая иглой, вставленной в трость, окурки. Уже появилось несколько горящих неоновых вывесок бар-клубов и трехцентовых кафе.

Как только выехали из города, старичок, сосед

Флавии, вынул из ушей провода и, надвинув панаму на глаза, заснул.

Флавия смотрела в окно на проплывавшие слева от автобуса огни гаванского порта.

Машина вышла на широкое серое шоссе, разделенное желтыми пунктирными полосами на шесть дорожек — три туда, три обратно, посреди не каменный барьерчик, — и, мягко покачиваясь, понеслась к провинции Ориенте, где Флавию ждали друзья, где до зарезу нужны были эти маленькие зеленые листочки с изображением двух рук, рвущих кандалы, и цифры «26», аккуратно сложенные в коробку из-под шоколадного торта.

Листочки эти, представлявшие собой подпольные облигации, печатались в тайной типографии в Гаване, о которой Флавии не полагалось знать. Облигации надо было срочно распространить в Ориенте, чтобы на вырученные деньги купить оружие, продовольствие, медикаменты, одежду — как раз представилась такая возможность.

Флавия задремала, дотрагиваясь ногой до коробки с бесценным грузом.

Очнулась она от громкого крика:

— Мужчины без вещей — вон! Женщины могут оставаться на своих местах.

Крик раздался над головой. Она открыла глаза и увидела прямо перед собой короткоствольный тупоносый «смит-вессон». «Смит» был никелированный, блестящий, а ручка инкрустирована перламутром и серебром. Револьвер покоился в ремешковой открытой кобуре на животе у высокого офицера, который продолжал кричать над ее головой:

— Сколько я буду повторять: мужчины, вон!

— Он глухой, господин офицер, — сказала Флавия, поправляя прическу, — и вынул провода из ушей.

Офицер щелкнул пальцем по панаме. Старичок проснулся. Он испуганно смотрел на красного от натуги офицера, который тарашил на него гневные глаза и беззвучно открывал рот... Старичок поспешно подключился к внешнему миру, вставив в уши провода.

— А, — недовольно произнес он, наконец поняв, что от него хотят. — Так бы и сказали. Зачем же бить по панаме...

Мужчины вышли. Их обыскивали рядом с автобусом.

Офицер крикнул:

— Начинайте!

Два солдата, медленно двигаясь посреди прохода, раскрывали чемоданы, шляпные коробки, дамские сумки, баулы и вываливали содержимое на кресла. Офицер шел за ними и, брезгливо морщась, расшвыривал вещи стеком, рассматривая документы, письма, фотографии.

Флавия сидела, откинувшись к спинке кресла, и чувствовала, как бледнеет ее лицо. Она ощущала это физически и понимала — достаточно одного взгляда этого офицера, и ее заподозрят. Она нагнулась, притворяясь, что поправляет туфлю, чтобы кровь снова прилила к лицу. Коробка стояла на месте. «Поднять на кресло? Или, может быть, не заметят? Если заметят, будет хуже. Нет, лучше подождать». Мысли прыгали.

— Выньте ребенка из конверта, — приказал офицер женщине, сидящей впереди.

— Он только что успокоился, сейчас ночь, — она умоляюще посмотрела на военного.

— Выньте ребенка, сеньора, — нетерпеливо повторил офицер. — Время идет.

— Но я вас очень прошу...

— Сеньора, как вам не стыдно, выньте ребенка, — вдруг неестественно громко, сама не узнав своего голоса, сказала Флавия. — Господин офицер выполняет свой долг. Мы, кубинские женщины, должны ему помочь. Мало ли что вы можете везти в конверте! А вдруг бомбы для террористов?!

— Спасибо, сеньора, — улыбнулся офицер. — Вы настоящая патриотка.

Женщина обернулась и смерила Флавию ненавидящим взглядом. Ребенок расплакался...

Флавия с готовностью протянула офицеру раскрытую сумочку. Офицер посмотрел содержимое. Из его рук выпала губная помада.

— Извините!

Он немедленно нагнулся, чтобы поднять желтый блестящий тюбик... У Флавии замерло сердце.

— Что это? — вдруг громко спросил офицер, вытаскивая из-под кресла коробку. — Почему вы не положили ее на кресло — ведь была команда.

— Ах, это? Я совсем забыла... Это подарок, господин офицер. Подруга выходит замуж.

— Сейчас проверим. — Офицер кивнул солдату.

— Да, да, проверяйте, конечно, проверяйте! — в полном отчаянии воскликнула Флавия. — Это ваш долг, служба.

Солдат приблизился к коробке и раздумывал, с какой стороны начать ее распаковывать. Он вынул ее из пакета с рекламой лучших рубашек. Флавия вдруг почувствовала пустоту в горле, стали влажными руки.

— Я говорила этим болванам в магазине: не запаковывайте так красиво и сложно, — сказала она. — Ведь будет проверка, обязательно будет проверка. Все равно все изменится, и торт разрушится. Надо было оставить коробку открытой. Болваны! Но они запаковали... Открывайте, не стесняйтесь, я сама даже вам открою. Правда, подруга будет очень жалеть, ведь свадьба бывает в жизни не так часто... Открывайте!

Офицер мрачно смотрел на коробку, солдат грубыми пальцами нерешительно взялся за голубую ленту.

— Ну, ладно, — сказал офицер, — раз свадьба... Поставь на место, — приказал он солдату.

— Нет, нет, не беспокойтесь, проверяйте, — Флавия самозабвенно защищала права батистовского офицера. — Все равно, если не вы, так другие... Проверять, наверное, будут часто.

— Сходи за бланком, — все так же мрачно приказал офицер.

Солдат принес маленький зеленый бланк с напечатанным словом «Проверено». Офицер лизнул его языком и приклеил к коробке.

— Сожалею, что не голубой, — улыбнулся он. — А то бы как раз в тон к банту. Но зато теперь уже ваш торт будет цел. Его не будут разворачивать...

Флавия готова была расцеловать длинного офицера, но вместо этого сказала:

— Ах, если бы я могла, я бы своими руками задушила этого Фиделя! Из-за него вам приходится ночью совершать эту утомительную работу в автобусах.

Он поднял два пальца под козырек:

— Служба, сеньорита. Честь имею.

Счастливая и обессиленная, она повалилась на кресло. С негодованием на нее смотрели обе соседки спереди.

До самого Сантьяго коробка из-под шоколадного торта лежала на сетке — на виду у всех. И, насколько не гармонируя с голубым бантом, на ней выделялся зеленый ярлычок с надписью «Проверено».

Ну, а теперь я выполняю обещание — расскажу, как я узнал об этой истории с коробкой из-под шоколадного торта.

Однажды Хиральдо сообщил мне, что срочные дела заставляют его покинуть меня на две или три недели. Это была грустная весть.

Днем меня познакомили с моей новой переводчицей. Ее звали Клара Гонсалес. Клара была толста, как Хиральдо, весела и смешлива, как два Хиральдо, легкомысленна и несерьезна, во всяком случае с виду, как десять Хиральдо. И еще она любила петь. Пела Клара все время — в машине, за обедом, в компании и когда бывала одна; но самое трагическое для меня состояло в том, что она напевала и тогда, когда нужно было переводить...

Несколько дней я придумывал вежливый способ избавиться от нее. Но ничего не получилось.

Мне предстояла одна очень серьезная беседа — с матерью Франка Паиса. И я со страхом думал, что Клара может все испортить. Матери замечательного кубинского революционера, женщине, как я слышал, сильной, волевой и молчаливой, наверняка не понравится моя легкомысленная спутница, которая, видать, и не нюхала опасностей революционной борьбы...

Но делать было нечего, и когда стемнело, мы отправились с ней на улицу Сан Карлоса, где жила славная кубинская женщина, воспитавшая трех сыновей и отдавшая революции жизни двух из них.

Поднявшись по четырем каменным ступенькам на крыльцо, мы постучали в дверь. Она открылась, и на пороге появилась седая полная женщина лет шестидесяти. Прищурившись, она старалась разглядеть нас.

Клара сказала:

— Знакомьтесь, Росарио, это журналист, о котором вам говорили.

Женщина всплеснула руками:

— Боже мой, Флавия! Это ты! Как хорошо, что ты пришла! Я так долго тебя не видела.

Потом она протянула руку мне.

Когда хозяйка пошла сварить кофе, я повернулся к Кларе.

— Почему она зовет вас Флавией?

«Легкомысленная хохотушка» улыбнулась:

— Это было мое имя в подполье.

— Вы были в подполье?!

— Да. Меня еще и сейчас многие зовут по привычке Флавией.

— Пойдите, так, значит, коробка с «тортом»... И потом этот пулемет в «джипе»... Это все вы?!

Вот так я и познакомился с легендарной Флавией, так узнал историю с «тортом». О беседе с матерью Франка Паиса не буду вам рассказывать, а просто приведу здесь письмо, которое Росарио Гарсиа де Паис написала в тот вечер и дала мне для передачи матери наших советских героев — Зои и Шуры Космодемьянских.

Мать героев

*Письмо для матери
Зои и Шуры Космодемьянских*

«Дорогая сеньора.

У меня в гостях журналист из России. Он рассказал мне о Зое и Шуре. И мне захотелось сказать Вам несколько слов.

У нас с мужем восемь лет не было детей. У мужа была дочь от первого брака, но он хотел мальчика: ведь мужчина продолжает имя отца... Я очень любила мужа. И мне очень хотелось ребенка. Я молилась и просила помощи у бога. Через восемь лет он дал нам дитя. Когда моя падчерица побежала к отцу и сказала: «Папа, мальчик!», он заплакал.

Мы назвали его Франком. Франк Паис. Он весил восемь фунтов — это не очень много. Отец взял маленького на руки и сказал:

— Я не знаю, мальчонка, что станет с тобой,

но я очень хотел тебя. Бог знает, что тебя ждет, сынок. Но ты есть, и это все...

Через два года у нас родился Аугусто, еще через год Хосуэ.

Муж тяжело болел. Когда Франку исполнилось пять лет, отец моих детишек умер.

Вы мать, и вы понимаете, что такое вырастить троих детей без мужа.

Нет любви большей, чем любовь матери к детям. Я любила всех троих. Но все-таки Франка чуть больше. Ведь мы его так ждали с мужем.

Они росли хорошими мальчиками. Франк, видимо, рано понял, что он старший мужчина в доме, что со временем ему предстоит содержать мать и братьев...

Я не знала, что он стал участником «Движения 26 июля». Он не говорил мне: боялся тревожить... Но я замечала, что в доме нашем часто собирается молодежь, много спорит, говорит о родине, о народе, о Фиделе Кастро. Я не особенно прислушивалась. Я просто любовалась сыном. Говорил он замечательно. И остальные слушали его всегда со вниманием...

Потом его арестовали в первый раз. Но скоро выпустили. У них не было улик. Я стала догадываться о многом. Но только догадываться...

Я решила поговорить с ним.

Я сказала ему все, что в таких случаях может сказать просто мать. О том, что он старший в семье, о его ответственности, об опасности... Он выслушал меня внимательно, потом обнял, и я поняла, что ничего уже не смогу изменить. И больше никогда не пыталась. А только молила бога, чтобы

ничего не случилось... Старалась удержать хоть младших. Но и они пошли за Франком.

Он вел революционную работу. Только после его гибели я узнала, что мой сын руководил всем снабжением Фиделя: оружием, боеприпасами, продовольствием.

Однажды его снова арестовали. Это было в пятьдесят седьмом, весной. Он не вернулся домой, а меня вызвали в полицию и сказали... Сказали, что и до меня доберутся...

Потом был суд... Я и не думала, что моего Франка так знают в городе. Зал был переполнен, и на улицах стояли сотни, а может быть, и тысячи людей. И все кричали: «Свободу Франку Паису! Свободу Франку Паису!» А он выступал на суде. Я не помню, о чем он говорил. Только знаю, что люди сидели не шелохнувшись, а я смотрела на него, слов его не понимала и плакала...

Его не могли посадить, потому что весь город бушевал. Его освободили...

Потом снова несколько раз арестовывали. Один раз возили всю ночь по полицейским участкам — от одного к другому, и никто не соглашался взять моего сына к себе — боялись, что наутро, когда люди узнают, разнесут участок...

Он почти перестал ночевать дома... Каждую ночь — в разных местах. Только иногда прибежит вдруг, под утро, принесет чего-нибудь поесть или денег, обнимет, поцелует, и снова нет его...

Несколько раз батистовские солдаты устраивали засады в нашем доме, чтобы поймать его. Я спрашивала офицера:

— В чем вы его обвиняете?

Он отвечал:

— Ваш сын — идейный руководитель коммунистов в Сантьяго...

Что за глупость! Мой муж был священнослужитель. Франк тоже добрый протестант. Он просто хотел, чтобы люди, наконец, вздохнули свободно и не голодали...

Тридцатого июня пятьдесят седьмого года убили моего Хосуэ. На него и его друзей напали солдаты Батисты. У мальчиков было оружие. Они защищались. Это было на улице. Я узнала о его гибели через час после того, как все было кончено...

В то время уже существовал твердый приказ — покончить с Франком. Я не знала тогда об этом. Франк скрывался.

Я хотела спасти своих детей. Пошла и попросила испанского консула, чтобы он принял меня и моих двух оставшихся в живых сыновей в испанское подданство. Консул направился со мной в полицейский участок. Это было 30 июля — ровно через месяц после гибели Хосуэ. В полицейский участок, где мы находились, вдруг вбежал солдат и закричал.

— Убили Франка Паиса! Убили Франка Паиса!

Я подумала, может быть, это провокация... Я только сказала:

— Покажите, где лежит убитый, возможно, я знаю его...

Меня отвели... Это был он, мой Франк...

Его выследили, и солдаты нагрянули в дом, куда он зашел на минутку к товарищу. Франк хотел выхватить пистолет... Но в комнате были дети. Он

положил пистолет на стол и молча пошел к двери. Как только он вышел на улицу, офицер приказал:

— Это Франк Паис! Стреляйте!

Солдат выстрелил из автомата...

Дорогая сеньора, я знаю, что в Вашей стране многие-многие матери потеряли и больше чем двоих детей на войне. И на Кубе таких матерей достаточно. Я пишу Вам, потому что сеньор журналист рассказал мне о Ваших детях и Ваша судьба показалась мне очень похожей на мою... У Вас погибли дочь и сын, у меня — тоже двое. Шура погиб с оружием в руках, как Хосуэ, Зоя — безоружной, как Франк. Зоя, как и Франк, была партизанкой...

У меня остался один сын — Аугусто. Он для меня все, в нем — его братья и мой муж... Но если революции понадобится жизнь и третьего моего сына, я скажу Аугусто: иди и отдай свою жизнь...

Дорогая сеньора, я не знаю Вас, но мне кажется, Вы думаете так же, как я... Потому что, если знаешь, что дети отдали жизнь не зря, мать может только гордиться их смертью. Мне очень хотелось бы с Вами встретиться... Может быть, это случится когда-нибудь. Мы бы поговорили о многом и, может быть, поплакали бы вместе.

Я впервые так подробно рассказываю о своих сыновьях, о своей семье... Мне хотелось бы получить от Вас ответ...

Обнимаю Вас, мать Зои и Шуры.

Росарио Гарсиа де Паис,
28, Сан Карлос, Сантьяго-де-Куба,
Февраль 1960 года». Ориенте, Куба

Теперь мы покинем Сантьяго с его подпольем и снова вернемся в горы Сьерра-Маэстры, где находились отряды Фиделя Кастро и где к тому времени произошли немаловажные события.

Снова 82!

Это был обыкновенный рассвет с обычным туманом, который поднимался вверх вдоль склонов Сьерра-Маэстры, оставляя за собой мокрую траву и покрытые капельками влаги кусты кофейных деревьев.

На рассвете 1 марта 1958 года из лагеря, расположенного в горном массиве Сьерра-Маэстры, двинулись три колонны повстанцев. Первой руководил Фидель Кастро, другой командовал Хуан Альмейда и третьей — майор Рауль Кастро. Он только недавно получил звезду коменданте — майора, хотя был достоин ее давно, начиная с атаки на крепость Монкада, с тюрьмы на острове Пинос и похода на шхуне «Гранма».

Братья еще никогда не расставались — только на несколько дней после трагической битвы 5 декабря 1956 года около «Радости святого». И вот теперь им предстояло расстаться, и расстаться надолго.

Три колонны вместе дошли до Ла Пата де Ля Меса. Там был сделан привал. Оттуда все три колонны двинулись уже в разных направлениях. Фидель направился в зону Эстрада-Пальмы, Хуан Альмейда — в Пальму-Сориано, а колонна Рауля должна была двинуться на север провинции Ориенте и достичь гор Сан-Кристобаль.

Вечером 1 марта Рауль записал в своем дневнике, который аккуратно вел, начав его за несколько дней до посадки на шхуну «Гранма»:

«Самое тяжелое для меня было расставаться с Фиделем и Альмейдой, видеть, как они удаляются, и думать: «Может быть, я никогда их больше не увижу.»

Я видел, что Фиделю тоже тяжело. Во время всего похода он ничего не говорил, а только изредка бормотал: «Ну, и что особенного? Ничего в этом особенного нет, что мы расстаемся»... Потом он крепко обнял меня...»

Рауль закрыл тетрадку дневника и положил ее в маленький нейлоновый мешочек, где хранились документы. Там же лежала в конверте записка — приказ, написанный рукой Фиделя Кастро. Это единственное, что будет напоминать ему о брате.

Он вынул из конверта приказ и прочитал его снова. Твердым размашистым почерком Фиделя там было написано:

«Сьерра-Маэстра. 27.II.1958 г.

Сим объявляется, что капитан Рауль Кастро Рус возводится в чин майора и назначается начальником Шестой колонны, которой надлежит двигаться в горные массивы на севере провинции Ориенте, в районы от муниципии Маяри до Баракоа. Под его командованием будут находиться повстанческие патрули, действующие в этой зоне.

Майор Рауль Кастро уполномочен присваивать офицерские звания вплоть до капитана и назначать начальников колонн в чине майора, если этого потребуют обстоятельства кампании.

Но в этом последнем случае назначение долж-

но быть утверждено Генеральным командованием.

Майору Раулю Кастро Рус дается также право принимать любые меры, которые он считает необходимыми для успешного хода операции и для поддержания самого строгого порядка в соответствии с Правилами нашего Уголовного Военного Повстанческого Кодекса.

Он также уполномочивается принимать и оформлять добровольцев, вступающих в нашу армию, и использовать их по своему усмотрению.

Фидель Кастро Рус,
Главнокомандующий».

Приказ был написан простым карандашом, чтобы буквы не размыло дождем или утренним туманом.

Первые повстанцы Фиделя Кастро спустились с гор в долину. Впервые покинули они надежное убежище, в котором всегда можно было в случае отступления найти такие участки, такие горы или такие ущелья, куда не могли проникнуть батистовские солдаты, а если бы и проникли, то оказались бы в ловушке. Впервые они ушли с массива, каждый квадратный метр которого был им знаком, где они чувствовали себя как дома, где провели почти полтора года в непрерывных боях и подготовках к новым сражениям.

Это значило, что начинается новый этап в борьбе маленькой повстанческой армии против армии Батисты.

Колонна Рауля Кастро состояла из 82 бойцов. Из них только 53 вооружены винтовками. У остальных в лучшем случае висели ножи на поясе.

Но все это были бойцы, не меньше года сражавшиеся в Сьерра-Маэстре.

Почему число бойцов Рауля составляло 82 человека — ровно столько, сколько высадилось со шхуны «Гранма», — трудно сказать. Может быть, случайно, а возможно, Рауль хотел придать действиям своей колонны значение высадки со шхуны «Гранма». Такое сравнение было бы правомерным, потому что в задачу Рауля Кастро входило освобождение северной части провинции Ориенте и образование там Второго фронта имени Франка Паиса для того, чтобы войска Батисты оказались зажатыми в клещи между южной и северной группировками Повстанческой армии.

Но все это дело будущего, а пока что 82 бойца, вооруженные только наполовину, только наполовину сытые и наполовину обмундированные, осторожно двигались на север, каждую минуту ожидая встречи с патрулями батистовских войск.

Они старались идти полями сахарного тростника, чтобы скрыться в его зарослях. Но в марте месяце сахарный тростник невысок, и поэтому укрытие было весьма ненадежное. Путь предстоял долгий и трудный.

К вечеру десятого дня колонна Рауля Кастро, именовавшаяся «колонной № 6», дошла до местечка Сан Лоренсо, и повстанцы сделали там первый большой привал.

Впереди остался, пожалуй, самый опасный участок перехода — им предстояло пересечь шоссе, связывающую город Сантьяго с Гаваной. Для этого нужно было преодолеть расстояние метров в 300 открытой дороги, по которой посто-

янно ходили военные грузовики и патрульные машины батистовской армии. Не только пройти через шоссе, но пройти ценой наименьших потерь и, если возможно, без единого выстрела, чтобы батистовцы ничего не знали о переходе шестой колонны на север провинции Ориенте.

Вот почему пересечение шоссе Рауль назначил на 10 марта. В этот день Батиста праздновал годовщину совершенного им государственного переворота, и пьяное веселье батистовских солдат очень помогло бы Раулю и его бойцам.

На рассвете 10 марта повстанцы подошли к шоссе и укрылись в маленьком леске. Люди стояли тихо, неподвижно. Лишь кое-кто нервно крутил сигару в руках — курить не разрешалось...

Рауль попросил бойцов придвинуться поближе. Он обвел глазами стоящих рядом с ним людей, каждого из которых он знал, каждый из которых был проверен в бою и каждому из которых предстояла борьба, и сказал негромко:

— Мы на равнине. Нас больше не скрывают горы. Очень легко мы можем стать мишенью для подстерегающего нас врага. Никогда прежде мы

здесь не были. Мы вынуждены пользоваться проводниками, так как не знаем дороги. И пока нас ведет неизвестный нам человек, мы все — в его власти. Но иного выхода нет.

Поэтому у кого сейчас не хватает смелости идти с нами или нет уверенности, что ее хватит в будущем, тот должен повернуть назад и сделать это теперь. Мы не знаем, где и что будем есть в следующий раз, и будем ли мы спать в ближайшие сутки, и хватит ли нам боеприпасов, ибо их у нас очень мало.

Рауль остановился и снова посмотрел на каждого. Никто не шелохнулся.

— Наш лозунг: «Свобода или смерть!» Вперед, друзья!

Они двигались весь день и затем всю ночь, не останавливаясь, чтобы как можно скорее уйти от шоссе, потому что никто из них не был уверен, что их не заметили.

На рассвете они достигли местечка Мангос Барагуа, где полстолетия тому назад поднял восстание легендарный Антонио Масео.

Люди устали, они почти ничего не ели уже сутки и не спали ни минуты, но надо было снова двигаться. Единственный перерыв в марше они сделали для того, чтобы послушать «праздничную» речь Батисты, которая в этот день транслировалась по всей Кубе.

Ночью при свете маленького карманного фонаря, затененного синим стеклом, Рауль записал в дневнике:

«У него нет ни малейшей возможности на спасение. Нам сказали, что Батиста собирается пойти на уступки и, может быть, заговорит об отречении, но речь его была гордой и заносчивой. Может быть, это его последняя возможность. Во мне окрепла уверенность, что война скоро станет всеобщей. Фидель никогда не верил пению сирен, и я также не верил. Если у нас не будет оружия, мы отнимем его у солдат».

В ту ночь повстанцы дважды встретились с патрулями Батисты. Оружие батистовских солдат перешло к повстанцам.

Марш продолжался еще 48 часов — без сна, почти без еды, с короткими перерывами на отдых.

В конце четвертого дня пути над ними пока-

зался самолет. Он прошел низко, вдоль их пути, и скрылся за холмом. К вечеру показался еще один самолет.

Слухи о движении людей Рауля, вероятно, все-таки достигли батистовского командования, и оно посылало один самолет за другим к северу от шоссе, чтобы обнаружить след повстанцев. Колонне из 82 человек трудно было остаться незамеченной, и второй самолет обнаружил их. В тот же вечер повстанцев обстрелял боевой самолет. Он дал несколько пулеметных очередей и сбросил гранаты.

Проводник, который вел их в тот день, отказался продолжать путь, сославшись на то, что он не знает дороги. Но они не могли отпустить его, опасаясь предательства. Пришлось вести его с собой.

На пятый день после первой бомбежки на перекрестке двух дорог повстанцы неожиданно увидели маленькую харчевню. Она стояла на обочине, покрытая пылью и банановыми листьями. Сквозь щели в стене просматривалась часть хижины. За прилавком стоял грустный хозяин, а к столбу была привязана лошадь. Она лениво отмахивалась хвостом от мух, а голову просунула в дверь хижины, спасаясь от солнечного зноя. Рядом росла высокая пальма, и харчевня казалась большим кокосовым орехом, сорвавшимся с макушки пальмы.

Очень трудно было пройти мимо этого домика, где наверняка были и хлеб и чистая вода. Повстанцы долго наблюдали за хижинкой и, когда убедились, что, кроме хозяина и двух молодых ребят, по-видимому крестьян, в ней никого нет, они

оставили вокруг харчевни часовых и целой группой вошли в маленький домик.

У хозяина оказалось всего несколько батонов хлеба, десяток банок сардин, галеты и сигары. Но и это скромное угощение показалось бойцам обильным пиршеством.

Хозяин, небольшого роста кряжистый старик с давно небритым лицом, в залатанной, но чистой холщовой рубахе, молча выставил все это на прилавок и аккуратно пересчитал деньги. Когда повстанцы, завернув провизию в большие листы бумаги, собрались уходить, старик, не проронивший до этого ни слова, сказал с горечью:

— Убьют теперь меня и моих сыновей. Убьют, когда вы уйдете.

Рауль остановился.

— Успокойтесь, — сказал он ласково, — знаете — кто мы?

— Нет.

— Я — Рауль Кастро, брат Фиделя. Мы заплатили за все. Если придут батистовцы, так и скажите им, что был Рауль Кастро со своими людьми, что купил у вас все продукты, что отказать вы не могли, потому что тогда взяли бы силой — за деньги, конечно. Что ушли мы в горы Сьерра-Кристалль и будем ждать там солдат Батисты. Говорите правду, только правду, иначе они все равно узнают, и тогда вам будет хуже.

Хозяин немного успокоился. Рауль и его бойцы ушли. А через 15—20 минут отряд догнали оба сына хозяина. Тяжело дыша и перебивая друг друга, парни принялись доказывать Раулю:

— Послушайте, командир, ведь рано или позд-

но мы тоже должны идти к вам, чтобы драться с Батистой. Это лучший случай, так разрешите нам идти с вами. Честное слово, мы пригодимся, от нас будет польза!

Рауль крепко пожал обоим парням руки, и они тут же были зачислены в маленький отряд.

Колонна продолжала двигаться вперед, то избегая встреч с батистовскими патрулями, то смело вступая в бой с ними, прячась от налетов вражеской авиации, неся с собой раненых в брезентовых гамаках, привязанных к длинным палкам.

Целью Рауля было не только достичь лесов Сьерра-Кристалль, но и создать по пути движения базу для будущих революционных действий в этом районе и даже для образования будущего революционного государства. Вот почему повстанцы везде, где это было возможно, проводили политические беседы с крестьянами, рассказывали о целях революции, наводили порядок в местах, где орудовали банды грабителей, многие из которых выдавали себя за повстанцев.

Прошло еще несколько дней, прежде чем равнина кончилась, и повстанцы начали медленно подниматься по склонам гор Сьерра-Норте.

Эти горы похожи на Сьерра-Маэстру. И людям показалось, будто они вернулись домой. Домой... Мог ли кто-нибудь из них лет пять назад подумать о том, что будет называть домом причудливые склоны гор, где постелью им служила сырая, не успевшая высохнуть за день земля, а недоваренный рис с бобами считался изысканнейшим деликатесом! Так или иначе, именно горы стали их домом, и вместе с подъемом на Сьерра-Норте не-

вольно приходило ощущение безопасности и некоторого спокойствия.

Но Рауль был мрачен. Во время привалов он подолгу сидел над небольшим листком карты, выпущенной компанией «Эссо», чертил какие-то линии карандашом, вымерял их линейкой и потом вынимал из своего нейлонового мешочка дневник и что-то тщательно писал, держа тетрадь на коленях и пощипывая редкие усы.

До него дошли слухи о некоторых военных успехах Фиделя и о том, что отдельные батистовские части отошли к северу, ближе к тем районам, где должна действовать колонна Рауля Кастро.

Худошавый, стройный, очень подвижный и выносливый, Рауль обычно шел одним из первых в колонне. Часто останавливался, чтобы пропустить весь отряд вперед, и внимательно смотрел на каждого бойца, проходившего перед ним. Потом ускорял шаг и снова оказывался впереди колонны.

Рауль видел, как утомлены бойцы нелегким переходом, видел изодранную в клочья одежду, развалившуюся обувь, видел тощие вещмешки и далеко не полные патронташи.

Но не только это тревожило его. Чем дальше в горы уходил отряд, выполняя задание, данное Фиделем Кастро, тем мрачнее становился Рауль.

Наконец, многое взвесив, несколько раз посоветовавшись с ближайшими помощниками, он собрал весь отряд и очень коротко сообщил о решении:

— Надо спускаться в долину, — сказал он. — Иначе мы рискуем разжечь здесь. Посмотрите на эти горы — разве рискнут батистовские солда-

ты забраться сюда? Они побоялись драться в Сьерра-Маэстре. Сюда они и подавно не пойдут. Поэтому я принял решение спуститься в долину. Там мы сможем встретиться с противником, у него мы сможем раздобыть себе оружие, боеприпасы и даже приличное обмундирование. А главное — мы будем драться, нападать и одерживать победы. Только тогда мы действительно станем вторым *фронтом*, а не вторым *тылом*.

Месяц прошел с того памятного дня, когда колонна Рауля отделилась от бойцов Фиделя Кастро. За это время пищей для отряда служили лишь хлеб да сахарный тростник. Только в самые холодные мартовские ночи Рауль разрешал бойцам по глотку рома и по маленькой порции жестких, как подошва, галет.

Решение, принятое Раулем, не было нарушением приказа Фиделя Кастро, который хранился в заветном нейлоновом мешочке. Ведь одна из фраз, написанная рукой Фиделя, гласила, что Рауль имеет право предпринимать любые меры, необходимые для успешного хода операции.

И отряд направился в северо-восточную часть гор Сьерра-Кристалль до подступов к городу Сагуа де Танамо, чтобы затем по прямой линии двинуться на юг к Гуантанамо.

Карта, выпущенная нефтяной компанией «Эссо», — очень неудобная карта. Возможно, она хороша для туристов, но она совсем не годится для составления на ней плана военных действий. Здесь нанесены крупнейшие шоссе и указаны самые «верные» места для рыбной ловли. Но совсем не упомянуты узкие дороги и тропки, по которым

движутся караваны мулов, груженных кофе, и которые так удобны для передвижения колонны Рауля. В плане города Сантьяго указаны все, даже второсортные, казино и самые мелкие ночные клубы в портовой части, но ничего не сказано о радиостанции, о телеграфе и прочих важных вещах.

И, кляня в душе газолиновых королей за неумение составлять нужные ему карты, Рауль при свете маленького карманного фонарика в десятый раз перепроверял у случайно встретившегося крестьянина, правильно ли нанесена проселочная дорога на карте, точно ли указана высота ближайшего холма.

Это были первые дни апреля 1958 года — дни рождения второго фронта «Франк Паис». А через некоторое время Рауль докладывал Фиделю:

«Как я вам уже сообщал в предыдущих записках, у нас не хватает времени для частых сообщений, поэтому я делаю итоговый доклад о последних стычках с врагом и об общей картине нашего положения.

Я не могу поступить иначе, потому что даже здесь слышны звуки битвы, которая продолжается вот уже шестой день в окрестностях Баяте.

Май месяц начался двумя боями в зоне Маяри (в Санха и Кореа). Наши бойцы были вооружены охотничьими ружьями-одностволками и ручными бомбами. Винтовка военного образца была только у лейтенанта Игнасио Леаль, командовавшего этим отрядом. Отряд вступил в неравный бой с армией в двух указанных пунктах.

12 мая. Части роты «Е» (Баракоа и восточная

часть Гуантанамо) ведут стычки в Хагуэйес с армией. У противника 8 убитых. Позиции этой роты под командованием капитана Феликса Пена в течение месяца ежедневно утром и после полудня подвергались интенсивным воздушным налетам, особенно позиции и траншеи у стратегически важных подходов к Абра, столь похожего на Фермопилы, — в долине Куахэри. Сбрасывались даже напалмовые бомбы.

Атаки с воздуха принесли много жертв. У Педро Эрнандеса осколком оторвало ногу, и он в отчаянии застрелился.

Одновременно с разных пунктов вели наступление пятьсот солдат диктатора. Рота выдержала несколько атак, но из-за численного превосходства врага, из-за непрекращавшихся действий авиации в зоне, где простираются лишь кукурузные поля, рота вынуждена была оставить свои позиции. Таким образом, линия фронта в этой зоне нарушилась и вскрытым оказался один фланг в зоне Ятерас.

Во время короткой встречи с Пена мы решили начать в тылу вражеских линий партизанскую войну. Это решение приведено в исполнение.

23 мая. Атака 300 солдат отбита в местечке Си-тио патрулем эскопетерос* под командованием лейтенанта Педрино Сотто Алаба.

Эскопетерос отступали по мере того, как у них истощались боеприпасы. На позициях остались лишь Сотто и два его товарища. В этот момент лейтенант Сотто с полным сознанием революцион-

* Так называли бойцов Рауля Кастро.

ной ответственности и чести передал автомат «га-ранд» одному из своих товарищей для того, чтобы тот ушел и спас это ценное оружие для повстанцев, а сам Сотто остался отбиваться от врагов, вооруженный только пистолетом, так как потерял надежду на спасение — у него были перебиты ноги, и он не мог ни двигаться, ни встать.

В этот момент пришел на помощь майор Анибал со своими силами и помог отбить атаку врага.

Затем патруль перешел в наступление и преследовал вражеских солдат до темноты, отогнав их до самого Сагуа де Танамо.

Армия укрепилась в этом районе, заняв заранее отрытые траншеи. Во время отступления солдаты Батисты поджигали дома крестьян, а крестьяне им кричали: «Дерьмо! Повоюйте теперь! Куча дерьма!»

29 мая. Часть под командованием капитана Антонио Эрнике Лусон и Ориенте Фернандес в 3.30 дня взяла штурмом казарму в рудниках Окухаль около Маяри.

Батистовские солдаты грабят магазины и сжигают их. Ходят пьяные.

30 мая. Налеты авиации очень активны. «Б-26», истребители «каталина». Когда прилетают самолеты — наши прячутся в зарослях. Когда налет кончается, снова продолжают атаки на противника. Не хватает боеприпасов».

Почти все, что я узнал о втором фронте, мне рассказали Вильма Эспин, которая была связной у Рауля, и подробные дневники самого Рауля.

Но я не могу не передать вам рассказа мо-

его друга Хиральдо, который в славных делах Второго фронта занимал не последнее место. Да, да, того самого чуть флегматичного и чуть легкомысленного Хиральдо, который работал когда-то служащим магазина похоронных принадлежностей, который, сидя на ступенях своего дома в Сантьяго-де-Куба, слышал первые выстрелы кубинской революции и который целый месяц помогал мне разыскивать участников революционных боев. Он оказался одним из активнейших бойцов Второго фронта имени Франка Паиса. И в этом нет ничего удивительного. Удивительно то, что за все время, пока мы ездили вместе с ним, у него ни разу не возникла мысль рассказать мне о себе, о своих собственных боевых делах.

Только случайно, благодаря той же Флави — Кларе Гонсалес я узнал, что мой Хиральдо сослужил хорошую службу революции. А узнав, уж не отставал от Хиральдо до тех пор, пока он не рассказал мне свою историю, которую я и привожу ниже.

Из рассказов Хиральдо

— Собственно, я на войне был не только солдатом. Был и механиком. Пожалуй, еще и инженером. Ну, а если все вспомнить, то я был и солдатом, и конструктором, и инженером, и механиком, и разнорабочим, и изобретателем, и всем, чем хотите. Еще и химиком.

Одним словом, я занимался изготовлением взрывчатых веществ, взрывающихся механизмов и всего прочего, что могло давать осколки, разить

противника или хотя бы производить шум. Шум нам тоже был нужен. Даже очень нужен.

Я никогда раньше этим не занимался до Сьерры.

До пятидесят шестого года просто служил в магазине похоронных принадлежностей и никогда не думал, что стану вдруг «изобретателем».

Начинал подпольную работу в Гуантанамо — там был филиал фирмы, где я служил. А подчинялись мы центральному руководству подпольным движением в Ориенте, во главе которого стоял Франк Паис. Все мы рвались в горы, к Фиделю, но приказ Франка был твердым — оставаться в городе, пока не «засветишься». Без подпольной организации в городах людям Фиделя было очень трудно в горах и с оружием, и с медикаментами, и с продовольствием. Только уж в крайнем случае, когда на твой след нападали жандармы и ты не мог с пользой для дела оставаться в городе, Франк приказывал уходить в горы.

Наша группа специализировалась на доставке оружия и боеприпасов в Сьерру, особенно легкого оружия и патронов.

В то время была очень удобная для нашего дела мода — женщины носили широкие юбки. А под широкой юбкой в специальном поясе можно было перенести целый склад боеприпасов. У нас были просто мастерицы своего дела, честное слово!

Ну и у меня была хорошая возможность — гробы. В них тоже удобно перевозить оружие. Полиция никак не могла догадаться.

Мы изучили распорядок работы полицейских, научились узнавать их машины по гудку и чуть ли не каждого полицейского — по свистку.

Каждый из нас был актером в то время. Научились гримироваться, у каждого было по несколько париков.

Как мы доставали оружие? По-разному. Очень нам помогали рабочие, служившие на американской базе. Иногда они просто обворовывали американских солдат. Это было особенно удобно делать в выходные дни, когда солдаты напиваются как... ну, как американские солдаты в выходные дни.

Иногда оружие покупали. Американские солдаты шли на это, особенно если им платили не деньгами, а ромом бакарди. Так мы приобрели несколько винтовок и пистолетов. Один раз даже вели переговоры о ручном пулемете.

В конце концов несколько человек из нашей группы попало в поле зрения полиции. В том числе и я. Пришлось уйти из города.

По приказу нашего руководства мы организовали три небольшие партизанские группы и пошли на соединение с колонной Рауля Кастро. Это было в марте пятьдесят восьмого года, то есть как раз в то время, когда отряд Рауля отделился от основных сил, находившихся в Сьерре, и двинулся на север провинции Ориенте для создания Второго фронта.

Вначале я командовал одной из партизанских групп в колонне Рауля. Ну, а потом я стал заниматься производством взрывчатых веществ. Почему я? Трудно сказать. Должен же был кто-нибудь работать по этой части. Вот среди других и назначили меня. А со временем я даже стал руководителем целой мастерской по производству ВВ.

Учителем у нас был один из наших товарищей, по прозвищу Малютка. Он-то и создал первую такую мастерскую в горах. О, тот парень был действительно экспертом по вопросам производства взрывчатых веществ из ничего. И научил пятерых-шестерых из нас этому удивительному искусству.

У меня до сих пор сохранились записанные его рукой несколько способов изготовления самодельных бомб из веществ, продававшихся в любой аптеке.

Но я относился к формулам Малютки творчески и всегда носил в специальном мешочке запас разных порошков, жидкостей, кислот — все искал новое взрывчатое вещество, которое бы взрывалось сильнее, чем те, что были в нашем распоряжении.

Собственно, слово «искал» означало вот что. Вечером, если выдавалось свободное время, я садился в укромном уголке и начинал колдовать — смешивал в консервных банках разные порошки и жидкости. В специальном мешочке у меня было отделение даже для пшеничной муки. А из жидкостей я перепробовал все, начиная с бензина и кончая йодом. Смешивал и ждал, когда смесь взорвется. Один раз она действительно взорвалась, но, к моему глубокому огорчению, гораздо слабее, чем мне хотелось бы. Поэтому я ослеп всего на несколько дней.

В мастерской мы изготавливали мины, ручные гранаты, бомбы, винтовки и даже пушки. Вы спросите: из чего? Мне трудно вам ответить. Все зависело от обстоятельств. Иногда корпусом для бомбы служила кастрюля, иногда — кусок водопроводной трубы. Вообще водопроводные и канализационные

трубы в нашем производстве и даже в военных действиях играли существенную роль. Но об этом я расскажу позже.

Одним из первых наших созданий был огромный пистолет — раза в полтора больше маузера, — большой было сделать легче. Мы именовали его официально «орудие номер четыре». Почему так громко и торжественно — не могу сказать точно. Но готов поклясться, что тогда мы не вкладывали в это название ни малейшей доли юмора. При испытаниях у «орудия № 4» обнаруживалась невероятная сила отдачи. Оно отбрасывало человека, стрелявшего из него, на два-три шага назад! Мы пришли к выводу, что вред от него противнику, видимо, будет значительно меньше тех опустошений, которые оно произведет позади себя. Поэтому пришлось от «орудия № 4» отказаться.

Самое трудное ждало нас вначале. Ведь нужны были какие-то механизмы, ну хотя бы простейший токарный станок. Мы получили кое-что из оборудования одного сахарного завода, расположенного на территории Второго фронта, но это была капля в море. Мы страдали, видя, что не можем обеспечить и сотой доли потребностей Второго фронта в боеприпасах. И тогда мы становились изобретателями идей, стараясь компенсировать ими нехватку нашей продукции. А хорошие идеи никогда не пропадали даром.

Как-то наши ребята держали оборону на одной из дорог. Сил было мало. А мы знали, что батистовцы пойдут тут с танками. Прибежали бойцы к нам в мастерскую — просить мин. Мин, как назло, ни одной не было.

Мы долго думали, что делать. Требовалось несколько дней, чтобы достать материал и изготовить мины. Как выиграть время? И вот пришла идея. Не помню уж точно, кто ее предложил, кажется, тот же Малютка. Ночью мы пробрались на шоссе и выкопали десятка два ям, а потом засыпали их свежей землей. Утром это выглядело так, будто шоссе заминировано.

Батистовцы не решились идти в наступление в тот день. На другое утро они послали саперов, которые мин, естественно, не обнаружили. Но это, видимо, вызвало у них жесточайшие подозрения: они боялись неожиданностей. Может быть, они подозревали, что мины какого-то нового устройства. Так они выжидали три или четыре дня.

А когда все-таки раскусили нашу хитрость и рискнули бросить на нас танки — на шоссе, в ямах, были заложены уже настоящие мины. Наступление сорвалось.

Таких мистификаций мы устраивали много.

Я обещал вам рассказать о канализационных трубах... Была такая история.

На одной из рек в Баракоа ходили каботажные суда. Они перевозили продовольствие, иногда боеприпасы для батистовских войск. Охрана на этих судах была маленькая — три-четыре солдата. Батистовцы знали, что у нас нет ни одного мало-мальски стоящего суденышка, ни одного вооруженного катера, поэтому безбоязненно, под нашим носом, перевозили боеприпасы и продукты, — как раз то, что нам было нужно до смерти.

Мы долго думали, как захватить хотя бы одно из этих судов. Наконец нашли выход.

Приобрели большой рыбачий баркас. На носу его установили большую треногу вроде штатива для киноаппарата, а на ней укрепили кусок широ- ченной канализационной трубы. Когда наступали сумерки, мы выходили на баркасе, взяв с собой два охотничьих ружья-двустволки. Подкрадыва- лись под покровом ночи к кораблю и начинали передавать в рупор приказ пристать к берегу. Если корабль не подчинялся, то наш баркас нахально ходил вокруг судна, а в рупор мы продолжали отдавать приказания. Если и на этот раз корабль отказывался выполнять нашу волю, мы вводили в бой канализационную трубу. В нее вставлялось охотничье ружье и спускались сразу два курка. Гром раздавался нешуточный.. Из трубы вырыва- лось пламя. И сразу же вставлялось другое ру- жье — и снова спускались оба курка.

— Это предупредительные выстрелы, — крича- ли мы в рупор. — Третий выстрел отправит вас к рыбам...

Видимо, мы производили впечатление хорошо вооруженного сторожевого катера. Так мы захва- тили три или четыре судна, пока батистовцы не прекратили плавание по реке.

Но венцом нашей деятельности, конечно, был «дон Пепе». Вы не знаете, что это такое? О-о! Это славный друг, наш «дон Пепе». Огромная, нека- зистая и симпатичная пушка. Представьте себе охотничье ружье, увеличенное в длину раза в че- тыре, а в диаметре раз в сорок или в пятьдесят. Вот это и будет «дон Пепе». Стволom для «дона Пепе» служила опять канализационная труба. Заряжался он так же, как и охотничье ружье. Ста-

каны для снарядов мы изготавливали из огромных банок, в которых компания «Эссо» выпускает масло для автомашин. Ну, а снаряды делали разные.

Шум он производил ни с чем не сравнимый. Я никогда не слышал, как стреляют орудия большого линкора, но думаю, что они все вместе не вызывают и десятой доли тех повреждений барабанной перепонки, которые мы претерпели от «дона Пепе». Снаряды его летели и рвались с каким-то особым воем и грохотом. Правда, в двух метрах от места взрыва такого снаряда можно было остаться невредимым, но шум все-таки производился такой, что противник иногда повергался в панику...

По конструкции пиратские чугунные пушки, которые вы можете увидеть в Сантьяго-де-Куба или в Тринидаде, изготовленные пять-шесть веков тому назад, были верхом технической мысли по сравнению с «доном Пепе». Но тем не менее «дон Пепе», появившийся на свет в середине XX века, существовал, принес очень много пользы, а главное — положил начало существованию целого выводка «дон Пепе-малышей», которые мы распределяли среди колонн Второго фронта Франка Паиса.

Если быть честными и говорить всю правду до конца, то самый первый «дон Пепе» выстрелил не так уж много раз — скоро в трубе появилась трещина. Но зато на его горьком опыте мы уразумели, как надо делать пушки. И вот, как старый заслуженный производитель, он стоял в яслях, оберегаемый нежными взглядами работников наших мастерских. А его потомки самоотверженно ухали на передовых позициях Повстанческой армии, нанося суеверный ужас на врагов.

«Дон Пепе» был, конечно, коллективным созданием, но все-таки главным его конструктором был тот самый замечательный парень — Малютка. Он погиб в конце пятьдесят восьмого. Перед самой победой. Погиб глупо — чистил пистолет, у него был «кольт-38», и пуля вошла в живот...

Малютка был неистощим на выдумки. Это он придумал «радиострельбу». Ночью перед боем мы устанавливали репродукторы и начинали передавать музыку для солдат противника, а потом объявляли: «Сейчас вы услышите, как стреляют наши пушки» — и подготовленный к этому торжественному моменту «дон Пепе» извергал максимальное количество пламени и шума.

— А теперь, — передавали репродукторы, — послушайте, как бьют наши пулеметы, установленные справа.

Перед микрофоном мы давали очередь из автоматов и вертели трещотку. Через репродукторы этот треск превращался в пулеметную очередь.

— А теперь слушайте наши пулеметы слева, — повторялась та же история.

— Теперь вы убедились, что окружены? — спокойно спрашивал диктор и снова включал магнитофон с музыкой.

И бывало, что солдаты отходили «на заранее подготовленные рубежи». Нам только это и нужно было.

Если трезво мыслить, то — честное слово — из того, что у нас было, ничего нельзя было сделать, а мы все-таки сделали. Наверное, объясняется это просто верой, верой и необходимостью.

Каждую гранату, даже изготовленную из простой кастрюли, мы рассматривали не только как боевое оружие, но и как произведение искусства. И, честное слово, было даже немножко жалко, когда ее пускали в ход и наши труды взрывались и разлетались на мелкие осколки.

К концу боев в Сьерра-Маэстре у нас на Втором фронте была целая система мастерских, где мы могли не только ремонтировать оружие, но и делать довольно сложные, а главное — необходимые нам механизмы. Первые мины, выпущенные нами, имели только механические детонаторы, а последние были снабжены уже электрическими.

Мы долго страдали от отсутствия горючего. Американский нефтеперерабатывающий завод «Тексако» в Сантьяго-де-Куба, естественно, не собирался снабжать нас бензином. Мы пробовали в мастерских делать бензин из нефти и спирта. Кое-что получалось, наши «джипы» с грехом пополам двигались, но дымили при этом, как паровозы. За каждым стелился многокилометровый ды-

мовой шлейф. По этим шлейфам батистовцам очень легко было следить за передвижением наших многочисленных автомобилей. Надо было выходить из положения.

И вот однажды мы похитили администратора завода «Тексако». Привезли его на территорию Второго фронта и продержали у себя несколько дней. Мы его хорошо кормили, вежливо беседовали с ним, разъясняли наши цели, нашу политику. И еще объяснили, что если компания «Тексако» не продаст нам бензина, то такие похищения станут правилом, а обращение будет несколько иное. Администратор проникся уважением к нашим словам. Он, видимо, убедился, что мы люди серьезные. После этого компания предоставила нам несколько бочек бензина...

Сейчас я, честно говоря, редко вспоминаю о тех днях... Потому что дел много, очень много дел, тоже нелегких. Иногда даже кажется, что воевать было куда проще и спокойнее, чем проводить аграрную реформу, пришлось научиться и этому... Но когда вот так встанет перед тобой вдруг все то, что мы смогли сделать тогда... поражаешься сам и сам себе не веришь... Неужели все это было? Неужели во всем этом участвовал?..

Приказ № 30

Весь июнь 1958 года, жаркий, с покрытыми пылью пальмовыми листьями и солнцем, накалявшим стволы охотничьих ружей так, что до них трудно было дотронуться, прошел в боях. Люди Рауля предпочли бы, чтобы стволы раскалялись от час-

тых выстрелов, чем от солнца, но каждый патрон был на счету, и после каждого выстрела боец ставил в записной книжечке галочку карандашом. Боеприпасов оставалось все меньше и меньше. А бомбардировки повторялись все чаще и чаще.

И все же решающее и окончательное наступление на земле и воздухе, начатое Батистой в мае и очень широко разрекламированное, срывалось.

Собственно, что касается воздуха, то наступления там и не было. Там с самого начала было полное, безраздельное и безнаказанное господство батистовских самолетов. Но на земле, несмотря ни на какие усилия, батистовская армия не развила сколько-нибудь существенного успеха.

14 июня Батиста принял решение прекратить наступление и уйти на прежние позиции.

Это была победа армии повстанцев. Но победа да-

леко не окончательная. Ибо враг мог довольно скоро оправиться и начать новое наступление. Двигаться вперед, гнать противника повстанцы тоже не могли, так как были измотаны физически и почти лишены боеприпасов.

Всякое продвижение повстанческих отрядов по равнине контролировалось вражеской авиацией.

Американские самолеты, заправленные американским горючим на американской военной базе, пилотируемые летчиками, обученными американскими инструкторами, самолеты с американскими бомбами под фюзеляжем, по-прежнему были хозяевами в воздухе, еще активнее продолжали бомбардировать территории, занятые войсками Второго фронта, нимало не заботясь о том, падают ли их бомбы на эскапетерос или на беззащитные дома крестьян. И против этих зверских бесчеловечных убийств и разрушений повстанцы были бессильны. Никакие хитрости, никакие «дон Пепе», репродукторы или канализационные трубы, укрепленные на треногах, не могли в этом случае помочь повстанцам.

Вот почему мрачный и задумчивый ходил Рауль, несмотря на провалившееся наступление сухопутных сил Батисты.

Однажды, отправившись со своим штабом в одну из рот, Рауль встретил группу крестьян. На двух мулах были навьючены скромные домашние пожитки, видимо весь скарб этих людей. Склонив голову, мрачно шли они по пыльной дороге...

Рауль поздоровался. Ему ответили не приветливо.

— Что случилось у вас? — спросил Рауль.

— Ничего особенного, — хмуро ответил один из крестьян. — Обычное дело, — он горько усмехнулся. — Прилетела птичка, сбросила гостинцы — половины деревушки как не бывало...

— В каком это месте? — помрачнев, спросил Рауль.

Крестьянин ответил.

Рауль в сердцах стукнул прикладом автомата по крылу «джипа»:

— Что за варварство! Ведь там ни одного повстанца. И место никакого военного значения не имеет... Подлецы!..

— Там одна бомба не взорвалась, — продолжал крестьянин. — Мы ее с собой прихватили, чтобы повстанцам отдать — им пригодится, снаряды делать...

Крестьянин снял со спины мула тяжелый мешок и, открыв его, вынул небольшую, килограммов на 25, зажигательную бомбу.

Рауль повертел ее в руках. Желтой краской на ней было выведено название одной из американских фирм.

— Прямо с завода... Свеженькая, — сказал Рауль, передавая бомбу кому-то из своих помощников. — А клянутся, что не помогают...

Весь остальной путь Рауль ехал молча, погруженный в невеселые мысли.

Надо было предпринимать какие-то меры. Необходимо были совершенно новые методы борьбы. Но какие?..

22 июня вечером при свете электрического фонаря в маленькой крестьянской хижине, где размещалось в тот день командование Вторым фронтом,

Рауль написал приказ № 30. Этот приказ, ставший впоследствии знаменитым и содержавший ряд секретных инструкций повстанческим частям, гласил:

«Установлено:

За три первых месяца кампании на II фронте до конца мая авиация диктатуры провела около ста воздушных налетов.

Офицеры нашего разведывательного управления сообщают, что в течение мая воздушные силы врага снабжались бомбами всех типов на военно-морской североамериканской базе в Кайманере.

С начала июня месяца самолеты диктатуры осуществляли ежедневно от трех до пяти налетов на нашу территорию, значительно увеличивая тем самым производимые ими разрушения.

В течение всего мая месяца зона долины Куахэри подвергалась систематическим бомбардировкам, которые предшествовали провалившейся попытке наступления вражеской пехоты. Для поддержки наступления применялись даже реактивные самолеты. После налета наши бойцы подбирают убитых детей, осиротевших, голодных и обессилевших.

Сотни семей жили и продолжают жить в земляных щелях и других убежищах и проводят там целые дни. На дорогах можно видеть целые семьи, передвигающиеся с одного места на другое в любой час ночи, ибо сотни бедных жилищ, построенные ценой многих жертв и труда, были сметены с лица земли.

Наше военное командование,

руководствуясь желанием возвратить покой детям, женщинам, мирным семьям, которые погибают

в результате варварских налетов батистовской авиации,

сознавая, что эти налеты осуществляются при помощи, с согласия и одобрения правительства Соединенных Штатов,

вынуждено принять соответствующие меры, чтобы прекратить воздушный бандитизм.

Мы терпеливо ожидали, что правительство США прекратит, наконец, оказывать военную помощь тирании.

Но в течение последних месяцев мы с разочарованием убедились, что помощь США диктатору возрастает.

В силу полномочий, которыми я облечен, и принимая во внимание вышеуказанные основания, **решаю:**

I. Всем воинским частям, подчиненным главному командованию II фронта «Франк Паис», приступить начиная с пятницы 27 июня текущего года к аресту всех американских граждан, которые проживают в пунктах, указанных в прилагаемых к приказу секретных инструкциях, и передать арестованных в распоряжение командования II фронта;

II. Довести до сведения тех, кому поручено выполнение этого военного приказа, что:

а) как и принято у нас, они должны обращаться с арестованными со всем подобающим вниманием;

б) все сказанное в этом приказе **НЕ КАСАЕТСЯ ЖЕНЩИН И ДЕТЕЙ** — граждан США;

III. Ввиду того, что гражданское население Кубы неоднократно проявляло свое возмущение действиями правительства США, которое снабжает

авиацию диктатуры бомбами и снарядами, задержанных содержать в секретных местах во избежание того, чтобы народный гнев не проявился против них;

IV. Данный приказ преследует цель предоставить возможность самим североамериканским гражданам, против которых мы ничего не имеем, на фактах убедиться в подлом преступлении, совершаемом их правительством против беззащитного кубинского народа. Единственная опасность, которая угрожает этим гражданам — тот же риск, которому подвергаемся и мы, страдая от бомбардировок».

Неразговорчивый консул

Выполнение приказа № 30 началось 27 июня. Первыми были арестованы два американца, работавшие на никелевых рудниках в Никаро, — управляющий и производитель работ. Затем повстанцы Второго фронта захватили автобус, который вез из Гуантанамо в Кайманеру 32 моряка с военно-морской американской базы.

Через 48 часов после вступления в силу приказа № 30 в руках повстанцев Второго фронта находились 50 американцев — гражданских и военных.

Весть об арестах граждан США, проживающих или находящихся на территории фронта «Франка Паиса», немедленно разнеслась далеко за пределами территории фронта. Всполошились американские власти на кубинском острове.

Уже во второй половине дня 27 июня Раулю Кастро сообщили, что консул США в Сантьяго-де-Куба мистер Уоллэм желает с ним лично свидеться для обсуждения создавшегося положения.

Рауль назначил консулу встречу на вечер 28 июня, около Калабасас, где находилась и часть задержанных американцев...

...Уоллэм остервенело крутил баранку «джипа», внимательно всматриваясь в дорогу. Рядом с ним сидела Вильма Эспин — Дебора. «Движение 26 июля» именно ей поручило сопровождать консула. Решено было, что после этой поездки Дебора уже не вернется в Сантьяго, а останется на территории, занятой войсками фронта, вот почему саморазоблачение перед американцами, которые, конечно, обо всем сообщат батистовцам, не очень ее тревожило.

Уоллэм был мрачен. Вильма изредка посматривала в его сторону. Консул не особенно ладил с испанским языком, поэтому Вильме предстояло выполнять в этой поездке не только роль проводника, но и переводчика.

— Когда они собираются освободить американцев? — спросил консул.

— Бомбардировки все еще продолжаются, — ответила Вильма.

— Правительство США не несет за это ответственности.

— Но вы даете Батисте самолеты, и бомбы, и пулеметы, и все прочее, что нужно для убийства.

— С марта месяца сего года это прекращено.

— К сожалению, жизнь опровергает ваше утверждение.

Уоллэм пожал плечами.

Некоторое время они ехали молча.

Вдруг Уоллэм сбавил скорость, склонил голову набок и начал тревожно прислушиваться к работе мотора. К его урчанию прибавился какой-то посторонний и все усиливающийся звук.

Вильма тронула консула за рукав и показала на небо. Она-то сразу распознала этот звук — мерное гудение приближающегося издалека самолета. Здесь в горах самолет слышен не так, как на равнине. К шуму мотора примешиваются звуковые отражения, и потому кажется, что звук идет не сверху, а снизу или иногда даже со всех сторон.

Уоллэм недоверчиво покосился на нее, потом стал искать глазами самолет. Не нашел и снова стал вслушиваться в урчание мотора «джипа»...

Но уже через несколько мгновений явственный шум самолета заставил его вздрогнуть и снова посмотреть вверх. Рев мотора приближался. Низко вдоль дороги, по которой двигался «джип», шел двухмоторный самолет. Это была американская машина, но с опознавательными знаками батистовских военно-воздушных сил.

— Вот такие точно самолеты и бомбят мирное население, — сказала Вильма.

— Это нас не касается...

Но Уоллэм не успел закончить фразу. Вильма видела, как расширились его глаза, — в нескольких метрах от «джипа» дорогу простегала пулеметная очередь. Раздался взрыв — позади справа взорвалась небольшая фугасная бомба.

Уоллэм резко остановил машину и, забыв поставить ее на ручной тормоз, выскочил на дорогу. Через мгновение он лежал в глубокой канаве, прорытой дождями.

«Джип» начал медленно скатываться назад под уклон. Вильма вытянула на себя ручку тормоза, выскочила из машины и тоже побежала к обочине, подальше от автомобиля.

Консул, красный от смущения, поднялся, неловко стряхивая пыль с тщательно отглаженных брюк.

— Вы зря поднимаетесь, — участливо сказала Вильма, — он сейчас повторит...

Действительно, через минуту-полторы летчик снова пронесся над дорогой, прошил ее пулеметной очередью и сбросил две фугаски. К счастью, «джип» и его пассажиры остались невредимы. Вильма и Уоллэм подождали еще несколько минут и, видя, что летчик кончил атаку, снова сели в автомашину.

Уоллэм сидел мрачнее прежнего. Одутловатое лицо его налилось краской.

— Он не знал, что вы — американец, — сказала Вильма. — А то бы он, конечно, нас не потревожил. В этих местах такие налеты бывают до десяти раз в день. Бомбы, между прочим, тоже ваши.

Уоллэм ничего не ответил. Только плотнее уселся на сиденье. Остальную часть пути они проехали молча.

...Встреча американского консула с Раулем продолжалась весь вечер и всю ночь с 28 на 29 июня.

Рауль вручил своему собеседнику копию приказа № 30, который Вильма прочла ему по-английски.

Консул молча слушал, иногда только поскрипывая стулом.

— Наше единственное и справедливое условие, — сказал Рауль после того, как Вильма кончила читать, — состоит в следующем: прежде чем

мы вернем вам задержанных американцев, мы должны получить официальное обещание правительства США — окончательно прекратить какую бы то ни было, прямую или косвенную, военную помощь диктатору Батисте.

Консул выслушал со вниманием. Затем встал и, походив некоторое время по комнате, снова сел.

— Об условии, которое вы выдвигаете, — сказал он, глядя на ухо Рауля, — я, конечно, доведу до сведения государственного департамента и, конечно же, сообщу вам, как только будет получен тот или иной ответ.

Консул сделал паузу и, сменив официальный тон на подчеркнуто дружеский, продолжал:

— Но, со своей стороны, я лично хотел бы заверить уважаемого майора Рауля Кастро, что никакой помощи батистовской армии Соединенные Штаты не оказывают вот уже с марта этого года, то есть с того самого момента, как мы официально объявили эмбарго на вывоз оружия для президента Фульхенсио Батисты.

Рауль приказал принести фотографии, сделанные кубинскими патриотами на территории военноморской базы США в Кайманере в моменты, когда там заправлялись горючим и снабжались бомбами самолеты Батисты.

Уоллэм внимательно осмотрел фотографии, пожал плечами и сказал, что это фотомонтаж. Раулю принесли негативы. Он протянул их Уоллэму. Консул натянуто улыбнулся:

— О нет, сеньор Кастро, я не специалист по фотопленке.

Рауль и не пытался доказывать. Это было бы

бесполезно. Консул, конечно, ни за что не признает ни одного факта, связанного с преступной деятельностью его стороны. Продолжая разговор, Рауль преследовал лишь одну цель: дать понять консулу, что в руках повстанцев есть все доказательства тайной и явной помощи США Батисте. Консул обязательно доложит об этом своему начальству, то начальство — своему. И в конце концов доклад дойдет до тех, кто полагает, что Батиста сможет без риска для престижа Соединенных Штатов продолжать получать оружие, горючее, боеприпасы и все прочее, необходимое для ведения борьбы против повстанцев. И, может быть, доклад этот заставит тех, от кого многое зависит, призадуматься...

Рауль продолжал разговор. Он рассказал консулу о данных, которые имелись в руках повстанческой разведки и которые говорили, что не далее как несколько недель назад, в мае, то есть через два месяца после официально провозглашенного эмбарго, американцы поставили батистовской армии девять тонн боеголовок для ракет типа «воздух — земля».

Консул картинно развел руками.

— Уверяю вас, сеньор Рауль, это ошибка. Ошибка вашего разведывательного управления. Вас ввели в заблуждение. Никаких поставок армии президента Батисты, а тем более поставок ракетных боеголовок после марта не проводилось. Подумать только — девять тонн! Нет, вы шутите, сеньор Кастро.

— Я не шучу, мистер Уоллэм, — ответил Рауль, — и вы отлично это знаете.

— Поверьте, не знаю. Никогда не слышал о боеголовках. И не мог слышать.

— Ну что ж, — усмехнулся Рауль, — могу лишь посочувствовать, что консул Соединенных Штатов узнает о таких вещах позже нас. Одно из двух. Либо вы не пользуетесь доверием своего правительства, либо обманываете... — Консул сделал протестующее движение рукой... — свое правительство я имею в виду, — продолжал Рауль.

— Не понимаю! — консул выжидающе смотрел на Рауля.

— Видимо, вы убедили свое правительство, что о поставках боеголовок никогда не станет известно нашей разведке.

— Мне нечего сказать вам, — зло произнес Уоллэм.

— Вполне сочувствую. Ведь госдепартаменту придется прибегнуть к той версии, которая была заготовлена про запас.

— Какой версии? — Уоллэм с опаской смотрел на Рауля.

— Версии того заявления, с которым должны выступить совместно госдепартамент США и американское посольство в Гаване через несколько дней.

— Да, но...

— Да, но об этом никому не известно! — хотите вы сказать. Не совсем так, — продолжал командующий Вторым фронтом, — текст его у нас есть.

Раулю принесли пакет. Он вынул оттуда аккуратно сложенный лист бумаги и стал читать:

«Проект заявления американского посольства в Гаване и государственного департамента в Ва-

шингтоне в случае огласки операции с боеголовками.

2 марта 1956 года правительство Кубы через официальные каналы сделало правительству Соединенных Штатов Америки запрос, касающийся поставок 300 пятидюймовых ракет типа «воздух — земля» для использования их кубинскими военно-воздушными силами.

Соответствующий заказ на поставки ракет был сделан правительством Кубы 4 декабря 1956 года. 2 мая 1957 года была установлена окончательная цена и окончательный контракт был подписан. Поставки ракет были произведены 11 января 1958 года. После получения заказа правительство Кубы обнаружило, что ракеты были снабжены инертными (невзрывающимися) боеголовками. Правительство Кубы желало получить взрывающиеся боеголовки и считало, что условия заказа предусматривают именно их. Поэтому правительство Кубы перезаключило контракт с Соединенными Штатами.

Это перезаключение имело место 26 февраля 1958 года, и окончательная поставка боеголовок была произведена 19 мая 1958 года.

В связи с тем, что на территории военно-морской базы США Гуантанамо, на Кубе, размещен склад с нужными боеголовками, а также в связи с тем, что эти боеголовки находились в состоянии наибольшей готовности для использования их правительством Кубы, — соответствующие американские власти приказали военно-морской базе в Гуантанамо произвести обмен боеголовок.

Это было простым исправлением ошибки, воз-

никшей после инициативы, проявленной правительством Кубы 2 марта 1956 года. Был произведен обмен боеголовок, но не самих ракет.

Кубинские военно-воздушные силы доставили на военно-морскую базу Гуантанамо инертные боеголовки и взяли там взрывающиеся боеголовки, которые были погружены на два кубинских транспортных самолета».

Рауль кончил читать и посмотрел на консула.

— С текстом, который знаете вы, расхождений нет? Неточности, ошибки?

Уоллэм молчал.

— Значит, все правильно. Очень хорошо. Плохо только, что эта «ошибка» стоила жизни сотням и сотням людей, — сдерживая гнев, продолжал Рауль. — Я думаю, что никаких доказательств вам больше не требуется?

Уоллэм молчал. Нет, американский консул явно был неразговорчив в тот вечер.

Ночь Уоллэм провел на территории Второго фронта. Утром его разбудили рано, и Рауль, как всегда свежий, подтянутый, очень вежливо пригласил консула посмотреть близлежащие зоны, разрушенные авиацией Батисты, а также крестьянские жилища, подвергшиеся бомбардировкам.

К их услугам был «джип», но Рауль предпочитал ходить пешком, и консулу пришлось проделать довольно большой путь, пока Рауль, показав все, что хотел показать, не произнес:

— Ну, вот, господин консул, это очень маленькая, даже микроскопическая, часть тех разрушений, которые с помощью вашего правительства произвела и производит авиация Батисты. Вы убе-

дились во всем своими глазами. Вы видели разрушенные жилища и видели неразорвавшиеся бомбы с очень знакомой вам маркой. Я думаю, что вы понимаете, я мог бы показать вам значительно больше, но и того, что вы увидели, я полагаю, достаточно.

Консул, не говоря ни слова, мрачно смотрел в сторону. Рауль закурил сигару и продолжал:

— Я прошу вас, господин консул, довести до сведения своего правительства, что командование повстанцев, выражая волю всех этих страдающих людей, — и он показал рукой в сторону разрушенных крестьянских хижин, — настоятельно просит прекратить, наконец, оказание преступной помощи кровавой тирании диктатора Батисты.

Консул молча кивнул. Через некоторое время «джип», в котором сидел господин Уоллэм, укатил в сторону Сантьяго-де-Куба.

Через несколько часов желтый «джип» снова показался в поле зрения передовых постов повстанцев, и еще более раздраженный, чем утром, господин Уоллэм выцедил сквозь зубы, что его правительство согласно на условия, выдвинутые повстанцами.

Последние дни

Прошли лето и осень 1958 года. «Решающее» наступление диктатора Батисты на Сьерра-Маэстру провалилось. Ему не помогло американское вооружение — танки, артиллерия, самолеты, ракеты.

К декабрю 1958 года фронты, организованные в Ориенте, соединились, и вся провинция фактиче-

ски оказалась в руках повстанцев. Город Сантьяго-де-Куба был окружен, и батистовский гарнизон, расположившийся в казармах Монкада, уже понимал всю безвыходность своего положения.

Колонна под командованием бывшего аргентинского врача майора Че Гевары успешно действовала в центре Кубы — в провинции Лас Вильяс и вела бои за освобождение от диктатуры города Сан-та-Клара.

Колонна, руководимая легендарным героем кубинской революции майором Камило Сьенфуэго-сом, развивала свой успех на севере центральных районов острова.

Не было места на Кубе, где бы армия диктатуры считала себя в безопасности. И даже в воздухе! В воздухе появились самолеты повстанцев.

Основной военно-воздушных сил Повстанческой армии послужил маленький самолетик «кингфишер», захваченный бойцами Рауля Кастро у войск Батисты летом 1958 года. А к декабрю ВВС Второго фронта насчитывали уже 12 машин, которые в редкие часы, когда они не нуждались в ремонте, запчастях или горючем, все-таки могли подниматься в воздух и сеять настоящую панику среди солдат Батисты. Дело было здесь не столько в боевой силе этих самолетов, сколько в самом факте существования авиации у повстанцев.

Впервые Фидель узнал о военно-воздушных силах Второго фронта от Вильмы Эспин. Она принесла ему очередной доклад Рауля, где было сказано, что авиация Второго фронта стала небольшой, но реальной силой. Фидель недоверчиво покачал головой, услышав рассказ Вильмы. Ему было

трудно представить, что Повстанческая армия, которая всего два года назад состояла из двенадцати человек, теперь уже имеет свои самолеты и даже свои аэродромы.

Он улыбнулся, откусил кончик сигары, пожевал его, выплюнул и, захватив рукой всю свою бороду, вдруг засмеялся громко и весело.

— Этот план Рауля необыкновенен, — сказал он уже серьезно. — И поэтому мне трудно привыкнуть к мысли, что он осуществлен...

Фидель чиркнул зажигалкой, закурил и, глянув хитровато на Вильму, добавил:

— Но если это правда, пусть он мне пришлет один самолет... Мне тут надо вывезти одного летчика. Он потерял свой самолет и сейчас находится здесь, в Сьерре... Пусть пришлет...

Как только Рауль получил это распоряжение Фиделя, он немедленно направил в Сьерру самолет. Горючего в баках было очень мало, и Рауль боялся, что машина не сможет возвратиться. Но все обошлось благополучно. Самолет выполнил задание, а Фидель получил вещественное доказательство того, что Повстанческая армия завоевывает теперь позиции и в воздухе.

Диктатура доживала свои последние дни.

27 декабря 1958 года колонна имени Хосе Марти, возглавляемая Фиделем Кастро, расположилась лагерем недалеко от Пальма-Сориано, на территории сахарного завода «Америка», захваченного у Батисты. Колонна, в которую влились сотни крестьян, уже давно спустилась с боями из Сьерры, одержала ряд крупных побед и теперь отдыхала перед маршем на Сантьяго-де-Куба, где она

должна была соединиться с колоннами Рауля Кастро. Братья уже встретились несколько дней назад в Хигуани. 9 месяцев, прошедших с тех пор, как Рауль с колонной в 82 человека двинулся на север Ориенте, изменили их обоих. Оба похудели и оба возмужали, оба накопили огромный опыт борьбы.

...Новогодним утром, первого января 1959 года Фидель встал, как всегда свежий, но на этот раз сердитый и озабоченный. Штаб его стоял в Пальма-Сориано, захваченной три дня назад у Батисты, и сегодня ночью повстанцы на радостях подняли стрельбу, салютуя наступлению нового года. Радосте естественная, но зачем палить?

Фидель Кастро выпил кофе и вышел из домика, где ночевал.

— Соберите всех, кто стрелял этой ночью в звезды! — распорядился он. — Транжиры! Я у каждого, кто палил, отберу по пятьдесят патронов — будут знать! Еще один такой праздник, и мы останемся без боеприпасов...

Прошло уже два года с того дня, как Фидель Кастро со своими единомышленниками высадился на берегу Кубы. Но до сих пор Фидель чрезвычайно бережно и экономно, помня первые месяцы борьбы, относился к боеприпасам. До сих пор задача их находилась в его ведении, и он лично отсчитывал патроны каждому бойцу. Вот почему ночная пальба не выходила все утро у него из головы.

Однако Фиделю не удалось исполнить свою угрозу в то новогоднее утро. В 8 часов гаванская радиостанция «Прогресс» сообщила о государственном перевороте в Гаване. Батиста бежал с остро-

ва. «Через несколько минут, — говорил взволнованный диктор, — мы предоставим нашим слушателям полную информацию о хаотическом положении на Кубе. В эти минуты в Кампо-Колумбия проходит важное совещание, на которое вызваны журналисты...»

Что же в действительности случилось?

В новогодний вечер высшие политические и военные деятели Кубы собрались на ужин в одном из домов Кампо-Колумбия. Среди них присутствовал диктатор Фульхенсио Батиста.

Это была невеселая трапеза. В два часа пополудни генерал Родригес Авила звонил в Санта-Клару полковнику Касилласу, чтобы передать приказ Батисты: «Произвести полное разрушение Санта-Клары. Не оставить от города камня на камне. Только в таком виде можно отдать город врагу». Но гарнизон Санта-Клары отказался повиноваться ставленнику американцев. Он сдался безоговорочно повстанцам Че Гевары. Сантьяго тоже был накануне падения.

За столом стоял генерал Кантильо. Лицо его было бледно.

— Во имя республики, — сказал Кантильо, откашлялся и оглянулся назад, — вооруженные силы решили, что генералу Батисте необходимо подать в отставку... Иначе, — добавил он после паузы, — к власти придет Фидель...

Батиста знал об этом, он еще днем подготовил текст «отречения». Бывший диктатор встал и, с ненавистью оглядев сидевших за столом людей, принялся диктовать «Послание народу». Там было все, что полагается для классического послания отре-

кающегося диктатора. Сказано было и «принимая во внимание трагическое кровопролитие»... и «молю господу бога о счастье и мире для дорогого сердцу моему кубинского народа...» и все остальное. Батиста поставил условием своего ухода: «чтобы все было в должной форме».

Этому предновогоднему невеселому собранию предшествовали совещания, на которых присутствовали не только кубинские политики. В середине декабря на Кубу вернулся из США американский посол Эрл Смит, а за два дня до нового года в Гавану негласно прибыл представитель государственного департамента США, директор управления по делам Карибского моря и Мексики Уильям Уиленд.

В то время «Нью-Йорк таймс» писала: «Деловые круги США не хотят падения Батисты, опасаясь, что это скажется на полученных ими уступках». Перед самым новым годом эта же газета, поняв, что дело не в Батисте, в конце концов поставила вопрос откровеннее: «Необходимо сохранить проамериканскую диктатуру на Кубе!»

Именно эту цель преследовал посол США Эрл Смит, созвавший перед новым годом секретное совещание и предложивший разыграть комедию с отречением, а Батисту заменить на посту президента неким Карлосом Пьедра.

...Продиктовав отречение, Батиста вышел из особняка, сел в черный длинный «кадиллак» и укатил на аэродром, расположенный здесь же, в Кампо-Колумбия. Самолет взмыл вверх, навсегда увозя с острова Кубы его бывшего диктатора...

Батиста почти не взял с собой вещей. За не-

сколько недель до нового года крупная сумма в 200 миллионов долларов была переведена за границу и положена в надежные банки на имя «путешественника» Фульхенсио Батиста.

Утром первого января 1959 года было объявлено, что военная хунта во главе с генералом Кантильо назначила президентом Кубы Карлоса Пьедра.

...А через час после этого объявления вся Куба, сидя у радиоприемников, слушала голос Фиделя Кастро, звучавший из Ориенте на волнах повстанческой радиостанции.

«...Какими бы ни были известия, приходящие из столицы, — неслоь из репродукторов, — наши войска ни на минуту не должны прекращать огонь.

Диктатура пала вследствие поражений, которые она терпела в последние недели.

Но это не значит, что революция уже победила.

Военные операции будут продолжаться непрерывно до получения соответствующего приказа командования повстанцев. Такой приказ может быть отдан только в том случае, если военные элементы, восставшие в столице, станут беспрекословно подчиняться революционному командованию:

Революция — ДА!

Военный переворот за спиной народа и революции — НЕТ!

Украсть у народа победу — НЕТ!

Трудящиеся всей республики должны внимательно следить за передачами радио повстанцев и готовиться ко всеобщей стачке...»

И стачка вспыхнула. Остановились поезда, так-си, в городах закрылись магазины, крестьяне ушли с полей, рабочие бросили станки, замолк шум на сахарных заводах, не ходили автобусы, закрылись кинотеатры. По приказу повстанческого центра действовали лишь радио, телевидение и газеты, чтобы информировать страну о событиях.

Колонны Че Гевары и Камило Сьенфуэгоса быстрым маршем шли на Гавану. Остатки батистовских войск не могли оказать им сопротивления.

К вечеру первого января гарнизон Сантьяго-де-Куба сдался колоннам Фиделя и Рауля Кастро.

Стачка, парализовавшая остатки батистовского режима, сыграла свою роль.

Война окончилась.

Революция, которая началась шесть с полови-

ной лет назад и которая должна была создать новую Кубу — страну свободную, процветающую, победила, чтобы продолжаться...

Пришло к концу мое путешествие по Кубе. Пришел к концу мой рассказ, который я мог поведать вам только благодаря десяткам, сотням кубинцев, помогавшим мне воссоздать эти незабываемые страницы истории далекого от нашей земли и близкого нашему сердцу острова.

Куба... маленький, благословенный кусочек земли в Карибском море. Остров солнца, пляжей и сахара — таким знали тебя колонизаторы. Остров слез, нищеты, горя и кипящего гнева — таким знал тебя твой народ. Остров-боец, поднявший в западном полушарии пылающий факел социалистической революции, остров борьбы за свободу, счастье. Таким сделал тебя твой замечательный народ.

Мы полюбили тебя, народ Кубы, наш молодой товарищ по борьбе. В нашем сердце твои улыбки и песни. Советские люди видели тебя в дни всенародных торжеств и в дни горя, мы видели страну, готовую к бою, и улицы твоей прекрасной столицы в тревожную весну 1961 года, когда бойцы твоей революционной армии за 72 часа наголову разгромили агрессоров, высадившихся на Плайя-Хирон.

У каждой революции — свои священные реликвии, свои воспоминания. И разве при взгляде на маленькую шхуну «Гранма», которая высадила на кубинский берег бойцов Фиделя, не приходит на память наш крейсер «Аврора», выстрелом одного

из своих орудий возвестивший о начале эры социализма. Вот почему кубинцы любовно называют свою «Гранму» «нашей маленькой «Авророй». А разве те, кто сражался в Сьерра-Маэстре, не напоминают бойцов, шедших на штурм Зимнего, на штурм капитализма? И разве те, кто отстаивал свою землю на Плайя-Хирон, не сродни защитникам Волгограда, Ленинграда, Севастополя? Мы дрались далеко друг от друга, но мы воевали в одном строю, стреляли в одну сторону, защищали одно дело, и нас вдохновляли одни и те же идеи великого Ленина.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	2
Первые выстрелы	3
Куриная ферма Абея Сантамария	6
Монкада	14
Допрос	16
Ночь над Сантьяго	24
Кто предатель?	31
Восемьдесят два — в океане	36
Высадка	44
Трагедия в «Радости святого»	51
Из дневника Че Гевары	56
Мешок рису	63
Бензобак и пулемет	67
Коробка из-под шоколадного торта	77
Мать героев	87
Снова 82!	92
Из рассказов Хиральдо	107
Приказ № 30	117
Неразговорчивый консул	123
Последние дни	133

Боровик Генрих Авиэзерович

ПЫЛАЮЩИЙ ОСТРОВ. М., «Молодая гвардия», 1964.

144 с., с илл. (Библиотечка «Честь, отвага, мужество»)

P2

Редактор *А. Строев*

Худож. редактор *Г. Позин*

Оформ. художн. *Г. Бедарева*

Техн. редактор *Н. Михайловская*

A109100. Подписано к печати 11/XI 1964 г. Бум. 70×108¹/₃₂.

Печ. л. 4,5(6,16). Уч.-изд. л. 5,5. Заказ 1761. Тираж 60 000 экз.

Цена 17 коп. Б. З. № 39, 1964 г., п. 10.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

17 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ